

Симбирскія Пархіяльныя Вѣдомости

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

15-го Марта

№ 6.

1908 года.

ГОДЪ

Подписка принимается въ редакціи при Симбирской Духовной Консигторіи. Цѣна годовому изданію съ доставкой и пересылкою 4 руб. 50 коп.

XXXIII.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Преподано Архипастырское благословеніе

съ выдачею свидетельства:

церковному старостѣ села Кицакъ, Буинскаго уѣзда, крестьянину, Григорію Петрову Исаичеву за заботу объ украшеніи церкви, увеличеніи церковныхъ доходовъ и пожертвованіе 80 р. въ пользу церкви;

безъ выдачи свидетельства:

прихожанамъ Димитріевской церкви села Елховки, Алатырскаго уѣзда, за устройство деревянной ограды вокругъ своего сельскаго кладбища, стоимостью до 300 руб.

Движеніе и перемѣны по службѣ.

Резолюціями Его Высокопреосвященства и опредѣленіями Епархіальнаго Начальства:

25 февраля—на священническое мѣсто при церкви пригорода Аргаша, Карсунскаго уѣзда, перемѣщенъ, согласно прошенія, священникъ церкви села Елифановки, Сенгилеевскаго уѣзда, Александръ Дивногорскій;

— на псаломщическое мѣсто при церкви села Зеленца, Сенгилеевскаго уѣзда, перемѣщенъ псаломщикъ Введенской церкви села Тереньги, того же уѣзда, Алексѣй Побѣдоносцевъ, согласно просьбы его;

28 февраля—бывшій псаломщикъ церкви села Чуварлей, Алатырскаго уѣзда, Александръ Ясницкій опредѣленъ на псаломщическое мѣсто къ церкви села Румянцева, Карсунскаго уѣзда;

29 февраля—исключенный изъ духовнаго званія, опредѣленіемъ Епархіальнаго Начальства отъ 20 декабря 1907 г., исправляющій должность псаломщика при церкви села Шемарулина, Ардатовскаго уѣзда, Константинъ Грацилевъ переданъ въ распоряженіе Симбирскаго Губернскаго Правленія;

6 марта—къ исправленію псаломщической должности при церкви села Чаадаевки, Ардатовскаго уѣзда, допущенъ запасный ефрейторъ, изъ крестьянъ села Выползова, Курмышскаго уѣзда, Василій Константиновъ, впредь до усмотрѣнія его благоповеденія и способности быть исправнымъ и надежнымъ клирикомъ;

— на псаломщическое мѣсто при церкви села Тушны, Симбирскаго уѣзда, перемѣщенъ псаломщикъ церкви села Тетюшской Слободы, того же уѣзда, Василій Минеевъ, согласно прошенія;

— исполненіе псаломщическихъ обязанностей при церкви села Малаго Станичнаго, Карсунскаго уѣзда, возложено на крестьянина Степана Немытина, сдавшаго псаломщическій

экзаменъ, впредь до усмотрѣнія его благоповеденія и способности успѣшно проходить служеніе въ клирѣ;

на псаломщическое мѣсто при Успенской церкви тор. Сызрани перемѣщенъ, согласно просьбы, псаломщикъ церкви села Новоспасскаго, Сызранскаго уѣзда, Александръ Веселицкій;

на псаломщическое мѣсто при церкви села Вышки, Симбирскаго уѣзда, опредѣленъ бывший псаломщикъ церкви села Абрамовки, того же уѣзда, Владиміръ Смѣловскій;

6—7 марта — исполняющій обязанности псаломщика при церкви села Юрловки, Карсунскаго уѣзда, Всеволодъ Академовъ утвержденъ въ занимаемой имъ должности;

— крестьянинъ села Болтинки, Курмышскаго уѣзда, Николай Ефимовъ Поцковъ зачисленъ указнымъ послушникомъ Алатырскаго Свято-Троицкаго монастыря;

7 марта — священникъ Преображенской церкви села Чуралчекъ, Буинскаго уѣзда, Іосифъ Кудрявцевъ перемѣщенъ въ церковь села Бюрганъ, того же уѣзда, согласно его просьбы.

1) отъ 28 февраля, священникъ церкви села Марьяновки, Карсунскаго уѣзда, Никифоръ Косогорскій и священникъ церкви села Большихъ Березниковъ, того же уѣзда, Владиміръ Кассеньевъ утверждены въ должности членовъ ревизионнаго комитета при Б.-Березниковскомъ свѣчномъ складѣ;

2) отъ того же 28 февраля, законоучитель женскаго училища при Симбирской чувашской учительской школѣ священникъ Іоаннъ Доримедонтовъ назначенъ членомъ экзаменаціонной комиссіи при названной школѣ для производства испытанія чувашамъ, ищущимъ званія псаломщика и сана діакона;

3) отъ 6—7 марта, священникъ церкви села Вальдиватской Слободы, Карсунскаго уѣзда, Константинъ Анасагоровъ и священникъ церкви села Котякова, того же уѣзда, Теодоръ Тихомировъ утверждены въ должности членовъ благочиннскаго совѣта 2 округа Карсунскаго уѣзда; 4) отъ того же числа, священникъ церкви села Кобелевки, Алатырскаго уѣз-

да, Петръ Ясенскій утвержденъ въ званіи депутата на общенархіальные и окружно-училищные съѣзды духовенства отъ 2) благочинническаго округа Карсунскаго уѣзда, а священникъ церкви села Спасскаго Куроѣдова, того-же Карсунскаго уѣзда, Владиміръ Голубевъ въ должности кандидата къ о. Ясенскому; 5) отъ того же числа, священникъ церкви села Валгусь, Карсунскаго уѣзда, Петръ Индустриевъ утвержденъ въ должности помощника благочиннаго 4-го округа Карсунскаго уѣзда; 6) отъ 8 марта, священникъ церкви села Балдасева, Ардатовскаго уѣзда, Владиміръ Прибыловскій утвержденъ въ должности члена Благочинническаго совѣта 5 округа Ардатовскаго уѣзда.

Печатается по распоряженію Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Іакова, Архіепископа Симбирскаго и Сызранскаго.

ОТЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ Археологической Коммиссіи по вопросамъ реставраціи памятниковъ старины.

Согласно ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію 11 марта 1889 г., реставрація монументальныхъ памятниковъ древности производится по предварительному соглашенію съ ИМПЕРАТОРСКОЙ Археологической Коммиссіей и по сношенію ея съ ИМПЕРАТОРСКОЮ Академіею Художествъ (Собр. узакон. и расп. Правит. 1889 г., № 43). Археологическая Коммиссія, разсматривая представляемые ей, на основаніи означеннаго повелѣнія, проекты ремонта, реставраціи и расширенія древнихъ зданій, убѣдилась на опытѣ, что это разсмотрѣніе нерѣдко замедляется по недостаточности доставленныхъ Коммиссіи свѣдѣній. Въ виду сего и во избѣжаніе подобныхъ вынужденныхъ замедленій, Коммиссія считаетъ необходимымъ поставить въ извѣстность заинтересованныя учрежденія и лица, что вышеупомянутые проекты должны быть представляемы по возможности заблаговременно и заключать слѣдующія данныя:

1) Свѣдѣнія о времени сооруженія зданія и о позднѣйшихъ его передѣлкахъ.

2) Фотографическіе снимки фасадовъ и внутренняго вида зданія, а также архитектурныя чертежи его (планы и разрѣзы). Такіе снимки и чертежи необходимы какъ для повѣрки сообщенныхъ хронологическихъ данныхъ, такъ и для опредѣленія археологическаго и художественнаго значенія памятника.

3) Точное описаніе, подробныя чертежи, а также, въ случаѣ надобности, фотографическіе снимки назначаемыхъ къ передѣлкѣ или реставраціи частей зданія и находящихся въ немъ отдѣльныхъ памятниковъ старины (стѣнописи, иконостасовъ, иконъ, паникадилъ, колоколовъ и пр.).

4) Соображенія въ пользу необходимости передѣлки или расширенія зданія, главнымъ же образомъ акты осмотра передѣлываемыхъ частей, съ техническимъ уясненіемъ причинъ порчи памятника и изложеніемъ мѣстныхъ условій, вызывающихъ предполагаемыя передѣлки.

5) Въ случаѣ возбужденія вопроса о расширеніи церковнаго зданія необходимо представлять планъ прилегающей мѣстности, съ обозначеніемъ на немъ участка, на которомъ могла бы быть сооружена новая церковь.

При ходатайствѣ о разрѣшеніи реставраціи или ремонта зданія должно быть также сообщено ИМПЕРАТОРСКОЙ Археологической Коммиссіи, какое именно лицо принимаетъ на себя отвѣтственность за точное исполненіе разрѣшеннаго проекта.

Къ сему присоединяются нижеслѣдующія справки и замѣчанія:

1) По ст. 91 Строит. Устава (изданія 1900 г.), подлежатъ охранѣ „церкви древнія, т. е. построенныя вообще не позже XVIII вѣка, или хотя и не древнія, но замѣчательныя по водчеству или историческимъ воспоминаніямъ“.

2) Ст. 93 Строит. Устава, допускающая малые расходы на поддержаніе въ исправности церквей безъ испрашиванія

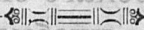
на то разрѣшенія епархіальной власти, не можетъ быть распространяема на церкви древнія (ср. ст. 95 Строит. Устава).

3) Наши старинныя деревянныя зданія (особенно церкви) по своему національному характеру, красотѣ, уютности заслуживаютъ спеціальнаго вниманія и самаго бережнаго къ себѣ отношенія, тѣмъ болѣе, что ихъ сохранилось не много; поэтому передѣлки въ нихъ крайне не желательны, ремонтъ ихъ необходимъ, а уничтоженіе должно отдаляться всѣми мѣрами. Церкви эти обыкновенно бываютъ сооружены весьма надежно въ строительномъ отношеніи, изъ очень прочнаго дѣла и имѣютъ скрѣпы, такъ что при должномъ ремонтѣ могутъ простоять дольше, чѣмъ поставленныя изъ новаго, особенно сырого матеріала. Если старинная деревянная церковь (значительно изветшала и оказывается совершенно излишнею на церковномъ погостѣ, то, вмѣсто разборки на матеріаль, рекомендуется перенести ее (по сношеніи съ Археологической Коммиссіей) на иное мѣсто, напр., въ другое село, въ деревню или на кладбище.

4) Вопросы, относящіеся къ древнимъ памятникамъ зодчества, разрѣшаются Археологическою Коммиссіею при участіи представителей отъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Художествъ, Св. Синода, Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и особо приглашаемыхъ специалистовъ. Въ случаѣ возможности и особой необходимости, Коммиссіею для осмотра реставрируемыхъ памятниковъ и наблюденія за ходомъ работъ командуются ея члены или иныя для того назначаемыя лица. При вышеупомянутомъ обсужденіи, перестройки въ древнихъ зданіяхъ, вызывающія искаженіе ихъ, безусловно не допускаются; расширеніе же позднихъ пристроекъ, если оно не нарушаетъ архитектурной цѣльности въ древнемъ планѣ зданія (т. е. его общаго вида) и не искажаетъ самого памятника, не можетъ встрѣтить особыхъ препятствій.

5) Присланные при проектахъ реставраціи или ремонта фотографическіе снимки оставляются въ архивѣ Археологической Коммиссіи.

Отъ Совѣта Симбирскаго епархіальнаго женскаго училища.

1) Поступающія въ Совѣтъ отъ разныхъ лицъ прошенія относительно отсрочки взысканія недоимокъ будутъ оставляемы безъ разсмотрѣнія, такъ какъ рѣшеніе Совѣта о понужденіи недоимщиковъ къ платежамъ, утвержденное Его Высокопреосвященствомъ, не подлежитъ измѣненію.

2) Свободныхъ вакансій епархіальнаго содержанія не имѣется, почему ходатайства о предоставленіи бесплатнаго содержанія въ пансіонѣ не будутъ удовлетворяемы.

3) Въ случаѣ недоумѣній относительно цифры начтенной недоимки заинтересованныя лица благоволятъ къ заявленіямъ по сему предмету прилагать квитанціи на уплаченныя суммы (или указывать №№ и даты квитанцій).

4) Совѣтъ просить не высылать суммы, слѣдующія къ выдачѣ въ личное распоряженіе ученицъ, въ общихъ переводахъ съ суммами, назначаемыми въ училищную казну.

5) При всѣхъ обращеніяхъ къ Совѣту надлежитъ сохранять почтительный тонъ и избѣгать внѣшней небрежности. Неудобно, въ частности, пользоваться для изложенія заявленій къ Совѣту открытыми письмами.

6) Благочинныхъ, которымъ объявлено о недоимкахъ по причтовымъ сборамъ, Совѣтъ просить послѣшить отвѣтомъ на отношенія, касающіяся проверки взносовъ за пять послѣднихъ дѣтъ.

ОТЧЕТЪ

о состояніи Симбирскаго епархіального женскаго училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи

за 1906/7 учебный годъ.

1. Личный составъ служащихъ.

За отчетный годъ въ составѣ служащихъ Симбирскаго епархіального женскаго училища произошли слѣдующія перемѣны:

На вакантную должность штатнаго преподавателя русскаго языка перемѣщенъ учитель Симбирскаго духовнаго училища Сергѣй Ивановскій (6-го сентября 1906 г.).

На вакантную должность 2-го преподавателя русскаго языка и соединенныхъ предметовъ перемѣщенъ 29-го января 1907 г. учитель Соликамскаго духовнаго училища Николай Арнольдовъ (до его поступленія занятія велись преподавателемъ, начальницею училища Анною Элендъ, воспитательницею Михайловской и учительницею французскаго языка Славницой).

Преподававшій географію въ VI классѣ училища священникъ Василькъ Миртовъ оставилъ службу при училищѣ; преемникомъ ему явился преподаватель семинаріи Викторъ Скворцовъ (съ 17 сентября 1906 г.).

Помощница воспитательницы Марія Рычкова 31 августа 1906 года уволена, согласно прошенію, отъ должности; на ея мѣсто назначена была къ исправленію должности дочь статскаго совѣтника Екатерина Ливанова, окончившая курсъ въ Сызранской женской гимназіи, но пребыла въ должности съ 18 сентября лишь до 13 января 1907 г. и отказалась отъ мѣста; на смѣну ей назначена дѣвица Елена Павлова (6 февраля 1907 г.).

Воспитательница Марія Бендеръ 4-го сентября 1906 г. освобождена от преподаванія нѣмецкаго языка; послѣ того уроки стала вести вдова капитана Надежда Попова (съ 9 сентября 1906 г.).

Училищный экономъ діаконъ Петръ Кронтовскій перешелъ на службу по епархіальному вѣдомству; на освободившееся мѣсто допущенъ (къ исправленію должности) діаконъ Іоаннъ Трояновъ (15 октября 1906 г.).

По образцовой школѣ. Законоучитель священникъ Константинъ Аргентовъ уволенъ, согласно прошенію, отъ должности, и вмѣсто него назначенъ священникъ городской тюремной церкви Павелъ Прозоровскій.

Къ концу учебнаго года въ составѣ служащихъ были слѣдующія лица:

Члены Совѣта: предсѣдатель, протоіерей Вознесенскаго собора города Симбирска Іоаннъ Ксенофоновичъ Арнольдовъ, студентъ семинаріи; служитъ съ 1905 года; жалованья не получаетъ.

Начальница училища, вдова генераль-маіора Анна Гавриловна Элендъ; окончила высшіе женскіе Бестужевскіе курсы; служитъ съ 1906 года; жалованье—600 рублей при готовой квартирѣ и столѣ.

Инспекторъ классовъ, священникъ Іоаннъ Іоанновичъ Троицкій, съ 1906 года; жалованье—300 рублей и 400 рублей квартирныхъ; состоитъ законоучителемъ въ нормальныхъ классахъ.

Членъ отъ духовенства, священникъ Алексѣй Петровичъ Сокольскій, студентъ семинаріи, при училищѣ съ 1901 года. служитъ безъ жалованья.

Членъ отъ духовенства, священникъ Алексѣй Петровичъ Сурминскій, студентъ семинаріи; служитъ съ 1905 года, безъ жалованья (былъ членомъ Совѣта и прежде, съ 1902 по 1904 годъ).

Почетная блюстительница, жена мануфактуръ-совѣтника Надежда Васильевна Шатрова; служить съ 1892 года.

Преподавателъ училища. По Закону Божию во всѣхъ нормальныхъ классахъ и въ VII дополнит. инспекторъ классовъ, священникъ Іоаннъ Іоанновичъ Троицкій, кандидатъ Казанской духовной академіи, съ жалованьемъ (за 24 урока) 1350 р.

По Закону Божию въ 1 паралл., 4 паралл. и 5 паралл. классахъ, а равно по дидактикѣ въ 5 норм., 5 паралл. и 6 классахъ (14 уроковъ) священникъ Дмитрій Павловичъ Троицкій, кандидатъ Московской духовной академіи, бывшій епархіальный наблюдатель церковныхъ школъ; служить при училищѣ съ 1906 года, жалованья получаетъ 700 рублей за уроки и 120 руб. за руководство образцовой школой.

По Закону Божию во 2 паралл. классѣ священникъ городской церкви Симеонъ Дмитриевичъ Бѣльскій, студентъ семинаріи; жалованье 200 руб.

По русскому языку въ I, II и IV паралл. классахъ и по словесности въ V норм., V паралл., VI и VII классахъ (22 урока) Сергѣй Михайловичъ Ивановскій, кандидатъ Казанской духовной академіи; служить съ 1906 года при училищѣ штатнымъ преподавателемъ; жалованья получаетъ 1220 руб., квартирныхъ 100 рублей.

По русскому языку въ I, II, III и IV нормальныхъ классахъ, по методикѣ русскаго языка въ VII классѣ (при 18 урокахъ) Николай Ивановичъ Арнольдовъ, кандидатъ Кіевской духовной академіи; служить съ 1907 года; жалованья получаетъ за поименованные выше уроки 1050 руб., за веденіе уроковъ систематическаго диктанта въ V—VI классахъ 75 р., квартирныхъ 100 рублей (штатный преподаватель училища).

По географіи во II и III нормальныхъ классахъ и по исторіи въ IV нормал., IV паралл., V нормальн., V паралл., VI и VII (при 23 урокахъ) Александръ Григорьевичъ Преображенскій, кандидатъ Кіевской духовной академіи; служить

съ 1899 года штатнымъ преподавателемъ; жалованья получаетъ 1290 рублей, квартирныхъ 100 рублей.

По ариѳметикѣ въ III норм., IV норм., V норм., IV паралл., по физикѣ въ V норм., V паралл. и VI, по геометріи въ VI (при 22 урокахъ) Викторъ Ивановичъ Бѣликовъ, кандидатъ Казанской духовной академіи; служить съ 1905 года штатнымъ преподавателемъ училища; жалованья получаетъ 1220 рублей.

По ариѳметикѣ въ I норм., II норм. и II пар. классахъ учительница Зинаида Александровна Рождественская, окончившая курсъ въ Симбирскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ; служить съ 1892 года, получаетъ 600 рублей, при 12 урокахъ.

По ариѳметикѣ въ I паралл., по географіи въ II и IV паралл. классахъ (при 8 урокахъ) учительница Фелицата Владиміровна Добролюбова, окончившая курсъ въ Пермскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ; служить съ 1904 года, жалованья получаетъ 400 рублей въ годъ.

По ариѳметикѣ въ IV паралл., по географіи въ IV норм. и VI классахъ (при 7 урокахъ) Викторъ Алексѣевичъ Скворцовъ, преподаватель духовной семинаріи, кандидатъ С.-Петербургской духовной академіи; служить при училищѣ съ 1906 года, жалованья получаетъ 350 руб. въ годъ.

По методикѣ ариѳметики въ VII классѣ и по педагогикѣ въ томъ же классѣ Вячеславъ Александровичъ Рождественскій, преподаватель семинаріи, кандидатъ Казанской духовной академіи; служить при училищѣ съ 1901 года, жалованья получаетъ, при 5 урокахъ, 300 рублей.

По географіи въ V норм. и V паралл. (при 6 урокахъ) Николай Ивановичъ Баженовъ, помощникъ инспектора духовной семинаріи, кандидатъ Казанской духовной академіи; при училищѣ служить съ 1903 года, жалованья получаетъ 300 р.

По естествовѣдѣнію и гигиенѣ въ VII классѣ училищный врачъ Петръ Козьмичъ Николаевъ, докторъ медицины; слу-

жить при училищѣ съ 1903 года, жалованья получаетъ за уроки (4) 240 руб. и по должности врача 200 руб.

По пѣнію въ I—VI норм. кл., въ I, II, IV и V паралл. по методикѣ пѣнія въ VII классѣ (при 23 урокахъ) Николай Степановичъ Косаринъ, имѣющій званіе учителя пѣнія и регента отъ Московскаго Синодальнаго училища; служитъ съ 1904 года; жалованья получаетъ 800 руб. за уроки пѣнія, 60 рублей за обученіе воспитанницъ скрипичной игръ и 100 руб. за управление училищнымъ хоромъ.

По чистописанію (20 уроковъ) Софья Михайловна Тихомирова, окончившая курсъ въ Симбирскомъ епархіальномъ училищѣ; служить съ 1894 года, жалованіе—500 руб.

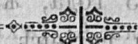
По французскому языку—домашняя наставница Екатерина Константиновна Славницкая, служитъ съ 1906 года, получаетъ по 5 руб. съ каждой обучающейся воспитанницы.

По вѣмецкому языку—Надежда Михайловна Попова, окончившая курсъ въ С.-Петербургскомъ Александровскомъ училищѣ; служить съ 1906 года, получаетъ 5 руб. съ обучаемой воспитанницы.

По рисованію въ II норм., II пар., III норм., IV норм. и IV пар. (при 10 урок.) Александръ Ивановичъ Козловъ, бывшій учитель Симбирской классической гимназій; при училищѣ съ 1877 года, жалованье—250 руб.

По рукодѣлію—учительница, мастерица дамско-портновскаго цеха, вдова священника Екатерина Алексѣевна Золотницкая, съ 1895 года, жалованье 216 рублей въ годъ; 2-я учительница, подмастерица дамско-портновскаго цеха, дочь мѣщанина Наталья Консоновна Пекарева, съ 1906 года, жалованье—180 рублей въ годъ.

(Продолженіе будетъ).

П Р А З Д Н Ы Я М Ъ С Т А.

Священническія: Малой Рязани, Сызранскаго у.; Любимовкѣ, Алатырскаго у.; Полибинѣ, Алатырскаго у.; Быковкѣ, Курмышскаго уѣз.; Уразильдинѣ (Тайба тожъ), Буинскаго у.; Мертовщинѣ, Ардатовскаго у.; Алферьевѣ, Курмышскаго у.; Среднихъ Тимерсянахъ, Симбирскаго у.; Кайсаровѣ, Симбирскаго у.; Богатилковѣ, Курмышскаго у.; Зеленовкѣ, Симбирскаго у.; Комаровкѣ, Сызранскаго у.; Паракинѣ, Ардатовскаго у.; Репьевкѣ, Ардатовскаго у.; Новоселвахъ, того-же у.; Водарацкомъ, Карсунскаго у.; Бекетовкѣ, того-же у.; Ананьинѣ, Сызранскаго у.; Семеновкѣ, Ардатовскаго у.; Сыресяхъ, Алатырскаго у.; Городецкомъ, Сенгилеевскаго у.; Сіучѣ, Симбирскаго у.; Епифановкѣ, Сенгилеевскаго у., и въ с. Чурадчекахъ, Буинскаго уѣзда.

Діаконскія: Архангельскомъ, Ардатовскаго у.; Коноплянкѣ, Карсунскаго у.; Ясаинномъ Сызганѣ, Карсунскаго у.; Ведянцахъ, Ардатовскаго у.; Киртеляхъ, Симбирскаго у.; Фделевѣ, Буинскаго у.; Кувагинѣ, Алатырскаго у.; Беклемишевѣ, Карсунскаго у.; Поникомъ Ключѣ, Сызранскаго у.; Старой Пузѣ, Ардатовскаго у.; Большомъ Батыревѣ, Буинскаго у.; Безсоновѣ, Симбирскаго у.; Зеленовкѣ, Симбирскаго у.; Пермисяхъ, Карсунскаго у.; Сутяжномъ, Алатырскаго у.; Чалпановѣ, Ардатовскаго у.; Куракинѣ, Ардатовскаго у.; Тихменевѣ, Сызранскаго у.; Семеновскомъ, Алатырскаго у.; Ждамировѣ, Алатырскаго у.; Димитріевѣ Богородицкомъ, Сызранскаго у.; Анастасовѣ, Курмышскаго у.; Пандиковѣ, Курмышскаго у.; Симкинѣ, Ардатовскаго у.; Палатовѣ, Карсунскаго у.; Налитовѣ, Алатырскаго у.; Среднихъ Тимерсянахъ, Симбирскаго у.; Тойсяхъ, Буинскаго у.; Ново-Александровской Мазѣ, Сенгилеевскаго у.; Кечушевѣ, Ардатовскаго у.; Хоршевахъ, Курмышскаго у.; Кузоватовѣ, Сенгилеевскаго у.; Ивановкѣ, Алатырскаго у.; Барышской Слободѣ, Успенской церкви, Алатырскаго у.; Китовѣ, Карсунскаго у., и Кременкахъ, Симбирскаго уѣзда.

Псаломщическія: Кладбищахъ, Алатырскаго у., едино-
вѣрческой церкви; Климовкѣ, Сенгилеевскаго уѣз.; Молвинѣ,
Сенгилеевскаго у.; Городецкомъ, Сенгилеевскаго у.; Спѣшев-
кѣ, Сенгилеевскаго у.; Пандиковѣ, Курмышскаго у.; Каранинѣ,
Сызранскаго у.; Ново-Томышевскомъ Выселкѣ, Сызранскаго
у.; Старой-Шаймурзиной, Симбирскаго у.; Новой Лавѣ, Сыз-
ранскаго у.; Мордовѣ, Сызранскаго у.; Кайсаровѣ, Симбир-
скаго у.; Кульминѣ, Ардатовскаго у.; Новоселкахъ, Ардатов-
скаго у.; Румянцевскомъ-Фабричномъ-Выселкѣ, Карсунскаго у.;
Каменкѣ, Курмышскаго у.; Аловѣ, Алатырскаго у.; Косого-
рахъ, Ардатовскаго у.; при Симбирской единовѣрческой цер-
кви; Пиксясахъ, Ардатовскаго у.; Бутыркахъ, того-же уѣз.;
Селищахъ, того-же уѣз.; при Буинскомъ соборѣ; Чекалинѣ,
Сенгилеевскаго у.; Парадѣвѣ, Ардатовскаго у.; при Сызран-
ской единовѣрческой церкви; Являхъ, Алатырскаго у.; Ма-
лой-Кандарати, Карсунскаго у.; Хмѣлевкѣ, Алатырскаго у.;
Тереньгѣ Введенской церкви, Сенгилеевскаго уѣзда; Новоспас-
скомъ, Сызранскаго у.; Тетюшской Слободѣ, Симбирскаго у.,
и Шемарулинѣ, Ардатовскаго уѣзда.

Архіерейскія служенія и рукоположенія:

10 февраля, въ недѣлю о блудномъ сынѣ, въ кафедраль-
номъ соборѣ Его Высокопреосвященствомъ совершена литур-
гія въ сослуженіи кафедральнаго протоіерея, протоіерея Ди-
митрія Троицкаго и священниковъ: Александра Ясенскаго и
Михаила Лебяжьева. За литургіею слово произнесено священ-
никомъ Александромъ-Невской церкви при земской больницѣ
Петромъ Георгіевскимъ.

17 февраля, въ недѣлю мясопустную, въ кафедральномъ
соборѣ литургія въ сослуженіи кафедральнаго протоіерея, клю-
чаря, протоіерея Димитрія Троицкаго и священниковъ: Сера-
фима Введенскаго, Александра Ясенскаго и Алексѣя Ремо-

рова; за литургією рукоположены: заштатный діаконъ с. Китовки, Карсунскаго уѣзда, Евфимій Русановскій во священника, съ зачисленіемъ на должность запаснаго священника для 3-го округа Карсунскаго уѣзда, а псаломщикъ с. Парадѣва, Ардатовскаго уѣзда, Леонидъ Юрьевъ, опредѣленный на священническое мѣсто въ село Кульмино, того же уѣзда, во діакона. Очередное слово произнесено священникомъ Казанской церкви при исправительномъ отдѣленіи Владиміромъ Алѣевымъ.

23 февраля, въ субботу сыропустную, въ Крестовой церкви литургія въ сослуженіи архимандрита Полихронія, іеромонаховъ Софронія и Варлаама и новорукоположеннаго священника Евфимія Русановскаго; за литургією діаконъ Леонидъ Юрьевъ рукоположенъ во священника.

24 февраля, въ недѣлю сыропустную, въ кафедральномъ соборѣ литургія въ сослуженіи кафедральнаго протоіерея, ключаря и священниковъ: Серафима Введенскаго и Михаила Лебяжьева; за литургією слово произнесено духовникомъ Семинаріи священникомъ Петромъ Малиновскимъ.

25, 26, 27 и 28 февраля, въ понедѣльникъ, вторникъ, среду и четвергъ первой седмицы св. четыредесятницы за великими повечеріями въ Крестовой церкви совершено чтеніе положеннаго канона с. Андрея Критскаго.

27 февраля, въ среду той же седмицы, въ Крестовой церкви преждеосвященная литургія въ сослуженіи: архимандрита Полихронія, іеромонаховъ Софронія и Варлаама и новорукоположеннаго священника Леонида Юрьева.

29 февраля, въ пятокъ той же седмицы, въ кафедральномъ соборѣ преждеосвященная литургія въ сослуженіи кафедральнаго протоіерея и священниковъ: Серафима Введенскаго, Александра Ясенскаго и Михаила Лебяжьева.

1-го Марта, въ субботу той же седмицы, въ Крестовой церкви литургія въ сослуженіи: архимандрита Полихронія, іеромонаховъ Софронія и Варлаама и новорукоположеннаго священника Леонида Юрьева.

2 марта, въ недѣлю православія, въ кафедральномъ соборѣ литургія въ сослуженіи кафедральнаго протоіерея, ключаря, протоіерея Дмитрія Троицкаго и священниковъ: Александра Ясенскаго, Михаила Лебяжьева и Виталія Травина; послѣ литургіи чинъ православія въ сослуженіи городского духовенства; за литургією слово произнесено священникомъ кафедральнаго собора Серафимомъ Введенскимъ.

О приѣмѣ въ августѣ мѣсяцѣ 1908 г. студентовъ ВЪ КІЕВСКУЮ ДУХОВНУЮ АКАДЕМІЮ.

Въ Кіевской Духовной Академіи имѣеть быть во второй половинѣ августа 1908 года приѣмъ студентовъ въ составъ новаго курса на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Въ студенты Академіи принимаются лица всѣхъ состояній, православнаго исповѣданія, окончившія курсъ духовной семинаріи съ званіемъ студента. — Окончившіе курсъ ученія въ гимназіяхъ и соотвѣтствующихъ имъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, для допущенія къ приѣмному экзамену, представляютъ свидѣтельства объ успѣшномъ выдержаніи ими испытаній при духовныхъ семинаріяхъ по всѣмъ богословскимъ предметамъ семинарскаго курса ученія. — Окончившіе курсъ въ русскихъ университетахъ и соотвѣтствующихъ имъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ принимаются безъ экзамена, если не имѣють въ виду занять стипендію; въ противномъ случаѣ подвергаются испытанію наравнѣ съ прочими. — Женатыя лица въ число студентовъ не принимаются, за исключеніемъ лицъ, имѣющихъ священный санъ.

2) Прошенія о приѣмѣ въ студенты Академіи подаются волонтерами лично или присылаются по почтѣ на имя ректора Академіи до 6-го августа.

3) При прошеніяхъ представляются документы: а) семинарскій аттестатъ; б) метрическое свидѣтельство о рожденіи

и крещеніи, выданное духовной консисторіей; в) свидѣтельство о явкѣ къ исполненію воинской повинности или свидѣтельство о припискѣ къ призывному участку по отбыванію сей повинности; г) поступающіе въ Академію по прошествіи одного или нѣсколькихъ годовъ по выходѣ изъ учебнаго заведенія должны представить свидѣтельство о благонадежности отъ того начальства, въ вѣдѣніи котораго состояли; д) духовныя лица должны представить, кромѣ аттестата, формулярный о службѣ списокъ и одобрительный отзывъ епархіального преосвященнаго.

Примѣчаніе: Семинарскія Правленія также до 6-го августа высылаютъ всѣ вышеозначенные документы назначенныхъ ими въ Академію воспитанниковъ, которые обязаны сами явиться въ оную къ 14 августа (но не ранѣе 12-го).

4) Желающіе поступить въ число студентовъ Академіи должны имѣть въ аттестатахъ по поведенію баллъ 5.

5) Всѣ воспитанники, какъ присланные въ Академію по назначенію начальства, такъ и поступающіе по собственному желанію, подвергаются предварительно медицинскому освидѣтельству состоянія ихъ здоровья, а затѣмъ повѣрочному испытанію въ особыхъ, назначаемыхъ для этого Совѣтомъ, комиссіяхъ и принимаются въ студенты лишь въ случаѣ удовлетворительности состоянія ихъ здоровья и по успѣшномъ выдержаніи въ Академіи повѣрочнаго испытанія.

6) Приемныя испытанія будутъ произведены по Священному Писанію Ветхаго и Новаго Завѣта, какъ двумъ отдѣльнымъ предметамъ, догматическому богословію, всеобщей церковной исторіи (до раздѣленія церквей) и одному изъ древнихъ языковъ (по выбору экзаменующихся); кромѣ того, подвергающіеся испытанію должны написать на заданныя темы сочиненія—одно по богословскимъ и другое по философскимъ предметамъ и поученіе. Тѣ изъ воспитанниковъ свѣтскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, кои не изучали древнихъ языковъ, на приемномъ испытаніи освобождаются отъ экзамена по симъ языкамъ, съ обязательствомъ, однако-же, въ случаѣ

поступленія въ Академію, въ теченіе академическаго курса ученія сдать экзамень по одному изъ древнихъ языковъ.

7) Испытаніе всѣхъ явившихся будетъ производимо по программамъ семинарскаго преподаванія въ полномъ ихъ объемѣ.

8) Изъ числа подвергавшихся повѣрочному испытанію, какъ по назначенію семинарскихъ начальствъ, такъ и по прошеніямъ, выдержавшіе оное удовлетворительно принимаются: лучшіе — на казенное содержаніе и стипендіи, а остальные — своекоштными.

9) Свободныхъ вакансій казеннокоштныхъ для I курса, согласно штату, имѣются 30, изъ которыхъ на 20 вакансій вызываются семинарскіе воспитанники по назначенію начальства, а 10 вакансій предназначены для тѣхъ волонтеровъ, которые болѣе удовлетворительно сдадутъ повѣрочный экзамень. Свободныхъ стипендій для I курса имѣется въ виду 5. Число своекоштныхъ студентовъ опредѣляется вмѣстительностію академическихъ зданій.

10) Своєкоштные студенты за свое содержаніе въ Академіи вносятъ 210 руб. въ годъ, или по 105 р. въ сентябрѣ и январѣ за каждое полугодіе; не удовлетворившіе этому требованію въ теченіе мѣсяца увольняются изъ Академіи.

11) Вне зданій Академіи студентамъ дозволяется жить у родителей, имѣющихъ постоянное жительство въ Кіевѣ; въ исключительно важныхъ случаяхъ, напр., болѣзни, нервнаго расстройства, надлежаще удостовѣренныхъ, дозволяется проживать на частныхъ квартирахъ студентамъ, не имѣющимъ на жительство въ Кіевѣ родителей; на частныхъ квартирахъ могутъ помѣщаться также студенты священнослужители, имѣющіе при себѣ семейства.

12) Лица, поименованныя въ 79 статьѣ, пунктъ 2, и 80 ст., п. 3, Уст. о воинск. повинности (псаломщики, учителя духовн. учил., земск. и церк.-прих. школь, надзиратели дух. учил. и семин.), зачисленные въ запасъ арміи и не выслужившія установленнаго пятилѣтняго срока въ занимаемыхъ ими должностяхъ, не могутъ быть допущены къ приѣмнымъ экзаменамъ.

Редакторъ, Секретарь Консисторіи **А. Жуковъ.**

Святенскій Архіидьный Ведомости

15-го Марта

№ 6.

1908 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Такъ называемая религія здраваго смысла.

То обаяніе и тотъ авторитетъ, которыми еще не такъ давно была окружена религія Льва Толстого, были обязаны тому, что эта религія провозгласила борьбу со всякой неразумностью, со всякой туманностью во всѣхъ другихъ религіяхъ и усвоила себѣ наименованіе религіи *разумной* или религіи *здраваго смысла*.

Но такова ли религія Льва Толстого въ дѣйствительности? Чтобы быть разумной, эта религія несомнѣнно должна была бы рѣшить или разъяснить центральные вопросы, которые возникаютъ предъ человѣческимъ сознаниемъ.

Есть-ли у Толстого эти рѣшенія или разъясненія?

Первымъ естественнымъ вопросомъ всякаго религіознаго сознанія является вопросъ о происхожденіи міра. Это вопросъ не теоретическій только и во всякомъ случаѣ не праздный. Разработкой его занимается наука. Не можетъ пройти мимо него и всякая разумная религія. Между тѣмъ у Толстого нѣтъ даже намека на какое бы ни было рѣшеніе этого вопроса.

Другой огромной важности вопросъ, начало котораго теряется въ вѣчности, это вопросъ о происхожденіи зла. Но и эта проблема также совершенно изгорируется Толстымъ. Последнее обстоятельство „особенно непонятно въ ученіи, которое въ основу своей морали кладетъ заповѣдь о непротивленіи злу“.

Наряду съ двумя указанными вопросами—можетъ быть отвлеченнаго характера—человѣчество не въ меньшей степени волнуется и вопросами болѣе эмпирическими. Таковы вопросы объ отношеніи Божества къ матеріи, о томъ, существуетъ ли матерія помимо Божества, каковъ вообще ея религіозный смыслъ, а также вопросъ о смыслѣ человѣческихъ страданій.

На первые изъ перечисленныхъ вопросовъ „разумная“ религія Толстого даже и не пытается отвѣтить. Послѣдній же вопросъ—о смыслѣ страданій—Толстой рѣшаетъ, такъ сказать, съ точки зрѣнія повседневности. Онъ трактуетъ лишь о пользѣ страданій въ житейскомъ нашемъ обиходѣ и нисколько не касается ихъ принципиальнаго смысла, ихъ грандіознаго мірового значенія. Между тѣмъ для религіознаго сознанія и религіозной совѣсти важно освѣщеніе вопроса именно въ послѣднемъ направленіи. И надо удивляться, какъ послѣ Достоевскаго, послѣ его мучительныхъ Карамазовскихъ вопросовъ о смыслѣ слезъ невинно-страдающихъ дѣтей, возможны „религіозные мыслители, съ полной беззаботностью проходящіе мимо этой бездонной пропасти, не осмысливъ, не переживъ ее до конца“. Достоевскій въ данномъ случаѣ приноситъ Толстому „смертный приговоръ“. „Не можетъ, не смѣетъ ученіе называться разумнымъ, если оно не можетъ осмыслить невинныхъ дѣтскихъ слезъ“.

Въ виду полного безмолвія „разумной“ религіи Толстого предъ неизбежными вопросами человѣческаго сознанія, является вопросъ: „можетъ ли посягать толстовское христіанство на какую-нибудь историческую роль въ будущемъ, если оно даже и не пытается утолить ту жажду, которая росла въ челоуѣчествѣ болѣе тысячи лѣтъ?“

Но, можетъ быть, Толстой потому не рѣшаетъ указанныхъ вопросовъ, что самъ-то онъ лично для себя не считаетъ ихъ важными или законными? Но вотъ вопросы, законность которыхъ для Толстого несомнѣнна. Какъ онъ ихъ рѣшаетъ?

При всей запутанности и разбросанности учение Толстого дѣлится на двѣ половины: учение о Богѣ и учение о жизни. Каждая изъ этихъ частей выдвигаетъ свои кардинальные вопросы, на которые Толстой и даетъ отвѣты.

О Богѣ Толстой спрашиваетъ:— „... для чего Богъ, Существо духовное, единое и нераздѣльное, заключилъ Себя въ отдѣльныя тѣла существъ и въ тѣло отдѣльнаго человѣка? Для чего Существо духовное и единое какъ бы раздѣлилось Само въ Себѣ? Для чего Божественная Сущность заключена въ условія отдѣльности и тѣлесности? Для чего Безсмертное заключено въ смертное, связано съ нимъ?—И отвѣчаетъ: „... Есть высшая Воля, цѣли которой недоступны человѣку“. На вопросъ же о жизни: „зачѣмъ я посланъ въ міръ“?— Толстой даетъ такой отвѣтъ: „знать, зачѣмъ мы живемъ, разуму человѣческому *не надо*. Это знаетъ за насъ высшая Воля, насъ пославшая.“

Ясно, что и на законные для себя вопросы Толстой не указываетъ какихъ либо положительныхъ рѣшеній, утверждая даже, что такія рѣшенія и *невозможны* для человѣческаго разума.

Итакъ, пока Толстой ничего не рѣшаетъ въ своей „разумной“ религіи. Но что же онъ, всетаки, рѣшаетъ?

Въ православномъ христіанскомъ ученіи Толстой „безъ всякой“ сколько нибудь глубокой критики отвергаетъ все, что „съ перваго взгляда“ какъ будто противорѣчитъ здравому смыслу, но въ то же время самъ дѣлаетъ утверждения, со здравымъ смысломъ не имѣющія ничего общаго. Такъ, Толстой очевидной нелѣпностью представляетъ христіанское учение о троичности лицъ Божества, единого по существу. Толстому кажется абсурдомъ, чтобы три были одно. Но что, съ точки зрѣнія здраваго смысла, представляетъ изъ себя учение о Богѣ самого Толстого? По Толстому, „Богъ, единый по существу, съ непонятными для человѣческаго разума цѣлями раздѣлился Самъ въ Себѣ, оставаясь попрежнему единымъ“... Почему

же — непонятно — три лица не могут быть едиными по существу, а раздѣлившееся Божество может оставаться единымъ?

И вообще всѣ собственные построения Толстого, какъ будто простыя и разумныя съ внѣшней стороны, на самомъ дѣлѣ въ высшей степени туманны и противорѣчивы. Особенно яркой иллюстраціей этой запутанности можетъ служить учение Толстого о безсмертіи. По Толстому, смерть — это пере-мѣна отношенія человѣка къ жизни. Въ смерти частицы Божества, заключенныя доселѣ въ тѣлѣ человѣка, возвращаются къ своему первообразу и сливаются съ Божествомъ. Но если такъ, то очевидно по смерти душа всякаго человѣка, хорошаго ли, или дурного, должна слиться съ Богомъ и получить блаженство. Гдѣ же тогда различіе между хорошимъ и дурнымъ, между добрымъ и злымъ, должнымъ и недолжнымъ? И не становится ли тогда даже бессмысленнымъ этотъ вопросъ: „все равно — всѣ умремъ и всѣ сольемся съ Богомъ“...

Вотъ изъ какихъ внутреннихъ противорѣчій состоитъ такъ называемая разумная религія Толстого. Въ жертву разуму здѣсь принесено все, и непосредственное чувство, и творческое религіозное вдохновеніе, и научныя данныя, словомъ, вся живая человѣческая душа, со всѣми ея тяжелыми, вѣковѣчными думами. И что же взамѣнъ этого даль этого идолъ, которому беззавѣтно поклонялся Толстой? Даль ли онъ отчетливое, цѣльное, послѣдовательное, хотя бы и узкое построение? Ничего подобнаго. Какъ въ заколдованномъ лѣсу Толстой рубилъ передъ собою христіанскую догматику, противорѣчащую „здравому смыслу“, но за нимъ снова возставала лѣсная чаща... „*Лежи, съ точки зрѣнія „здравого смысла“, отбросить даже математическія истины... , но единымъ росчеркомъ пера взамѣнъ разрушеннаго возсоздать христіанскую метафизику и понятную, и стройную, и — главное — приемлемую съ первыхъ словъ, — это невозможно“* (*).

*) *Примѣчаніе.* Мы подчеркиваемъ послѣднія слова: они для всякаго православнаго читателя имѣютъ особое значеніе въ настоящее время, когда только что

Если Толстой не удовлетворяетъ требованіямъ „здраваго смысла“ въ метафизикѣ своихъ воззрѣній, то также онъ слабъ и въ области морали.

И прежде всего здѣсь къ Толстому предъявляется особый вопросъ, до извѣстной степени праздный по отношенію ко всякому религіозному мыслителю, признающему непосредственное Божественное откровеніе. Мыслителя послѣдняго рода не нужно спрашивать, почему онъ то или другое ученіе признаетъ за Божественное: коль скоро ученіе открыто самимъ Богомъ, то само собою понятно—оно и Божественно. Но Толстой не признаетъ Божественнаго откровенія. И Христосъ для его сознанія не Богъ, а только одинъ изъ величайшихъ мудрецовъ. Почему же, спрашивается, Толстой провозглашаетъ ученіе Христа Божественнымъ? Почему не Божественно ученіе, Конфуція или Магомета? — Какихъ либо объективно обязательныхъ данныхъ въ пользу христіанской морали Толстой не даетъ. Онъ просто пишетъ, что христіанское ученіе „единственное ученіе, спасающее отъ страха смерти“, „отъ отчаянія“. „Я понялъ это“, — говоритъ Толстой. Очевидно, христіанское ученіе потому Божественно, что оно близко душѣ самого Толстого. Дѣло сводится, значить, къ личному вкусу. Но если единственнымъ критеріемъ истинности того или другого ученія будетъ служить субъективное чувство спасенія, „тогда одинаково истинными должны быть признаны совершенно противоположныя ученія — христіанство и матеріализмъ“.

Разсматривая моральное ученіе Толстого въ его существѣ также легко подмѣтить его слабыя стороны.

Вся мораль Толстого сводится къ одному собственно требованію: исполнять волю Божию. Но что такое Божія воля? Какъ человѣкъ можетъ знать ее? Толстой говоритъ, что въ каждомъ человѣкѣ заключена частица Божества. Ясно, что

вышло въ свѣтъ общедоступное изданіе Толстого „Критика догматическаго богословія“ (изд. Е. В. Герцика. С.-П.-В. 1908), полного именно разрушительнаго духа по отношенію къ христіанской догматикѣ.

волю Божию каждый человекъ можетъ познавать совершенно самостоятельно *).

Но если такъ, то почему же люди далеко не одинаково понимаютъ Божию волю и за благо въ жизни признаютъ одни то, другіе это? На данный вопросъ мы не найдемъ у Толстого опредѣленнаго отвѣта. Во всѣхъ его разсужденіяхъ замѣтно сквозить затрудненіе такъ или иначе рѣшить вопросъ о содержаніи Божіей воли. Не безъ причины, слѣдовательно, пришелъ онъ къ ученію о непротивленіи злу. Понятно: для того, чтобы бороться со зломъ, нужно со всей ясностью представлять себѣ, въ чемъ именно это зло состоитъ. Если же такого представленія у человѣка нѣтъ, то несомнѣнно лучше не бороться, чѣмъ бороться, лучше не дѣлать, чѣмъ дѣлать. Вотъ собственно почему такъ стихійно влечетъ къ себѣ Толстого непротивленство и недѣланіе.

Н. Волж—нз.

ПО ОДНОМУ ПОВОДУ.

Въ группѣ програмныхъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію епархіальнаго съѣзда, былъ вопросъ о способахъ поднятія благолѣпія при совершеніи службъ церковныхъ. Вопросъ этотъ, безъ сомнѣнія, весьма важный въ области церковно-приходской жизни, прошелъ въ общемъ собраніи какъ-то незамѣтно; постановлено было только принять докладъ 5-й комиссіи (журн. 8-й, стр. 24), и больше ничего, а между тѣмъ это такой вопросъ, на которомъ слѣдовало бы остановиться о.б. депутатамъ и болѣе опредѣленно рѣшить, какъ устранить тѣ причины, которыя дѣлаютъ наше богослуженіе неблаголѣпнымъ. Пятая подготовительная комиссія, повидимому, это дѣло рѣшила просто: выходя изъ положенія, что чтеніе и пѣніе лежитъ на обязанности псаломщиковъ, она рѣ-

*) *Примѣчаніе.* Съ большою настойчивостью Толстой проводитъ эту идею и въ только что опубликованномъ своемъ обращеніи къ „юношамъ и дѣвушкамъ“ подъ заглавіемъ „Вѣрте себѣ“ (М. 1908).

шила вопросъ о поднятіи благолѣпія въ богослуженіи посредствомъ вербованія въ составъ псаломщиковъ лицъ, владѣющихъ способностію громко и плавно читать и *искусно пѣть*; съ псаломщиками же, состоящими уже на мѣстахъ, комиссія рѣшила поступить и того проще — просить Епархіальное Начальство побудить ихъ сдѣлаться, буде они не таковы, способными. Но не такъ просто станетъ дѣло, если стать на реальную почву.

Мнѣ лично кажется, что пятая подготовительная комиссія несправедливо свалила всю вину упадка благолѣпія въ богослуженіи на псаломщиковъ, умолчавъ всецѣло о священникахъ, а во вторыхъ, ошиблась и въ средствахъ, прописанныхъ для поднятія благолѣпія. Въ самомъ дѣлѣ, если мы дѣйствительно замѣчаемъ, что псаломщики у насъ читаютъ торопливо, съ пропусками, и поютъ неискусно; то кого тутъ винить? Неужели однихъ псаломщиковъ? По моему мнѣнію, ужь если виноваты псаломщики, то неправы и священники, ибо и мы, іереи, повинны въ томъ, что наши псаломщики, прослуживъ съ нами 3—4 года, „перебалтываютъ“ языкъ и вмѣсто чтенія, напримѣръ, „Господи, помилуй“ заставляютъ слушать насъ „востро полѣно“. Почему во-время мы не остановили этакого борзаго чтеца и не заставили его раздѣльно и не торопяся прочесть положенные сорокъ разъ „Господи, помилуй“? А это вѣдь всецѣло въ нашей власти, и ни одинъ изъ псаломщиковъ не осмѣлится противостать этому разумному распоряженію. Почему мы этого не сдѣлали? Да просто потому, что раздѣльное и отчетливое чтеніе займетъ много времени, затянеть богослуженіе, а это въ наши мірскіе расчеты не входитъ, а потому мы такое чтеніе великодушно сносимъ и, стоя предъ престоломъ, снисходительно выслушиваемъ кощунствованіе съ клироса и взыскиваемъ тогда только, когда имѣемъ „зубъ“ на псаломщика, или просто придетъ минута отрезвленія и захочется „ввести благолѣпность“; тогда мы дѣйствуемъ энергично, награждаемъ бѣднаго дьячка тѣми куль-

турными ласкательствами, объ одномъ изъ которыхъ не постыдился упомянуть одинъ изъ депутатовъ публично на сѣздѣ, передавая личное столкновеніе съ своимъ псаломщикомъ. Но уже поздно; даже и эти мѣры желанныхъ результатовъ не могутъ принести. Въ этомъ каждый, думается, священникъ легко можетъ убѣдиться на личномъ опытѣ, если также заставить его прочесть раздѣльно нѣкоторыя молитвы, на которыхъ онъ, какъ говорится, спотыкается, — наприм., при крещеніи.

Такимъ образомъ, если чтеніе церковное ведется у насъ плохо, то въ этомъ наряду съ псаломщиками виноваты и священники, и если замѣчается упадокъ въ нашемъ богослуженіи благолѣпія, то по небрежности и винѣ и послѣднихъ. Но здѣсь вина ихъ, такъ сказать, посредственная и постольку, поскольку они были равнодушны къ тому, что дѣлалось на клиросѣ. А вотъ вина священника личная: это небрежность въ священнодѣйствіи, торопливое и невнятное произношеніе молитвъ и возгласовъ, плохо прочувствованное чтеніе Евангелія, неряшливость въ священной одеждѣ, неистовое совершеніе крестнаго знаменія и под. Я лично, напр., знаю примѣры небрежнаго и неблагоговѣйнаго отношенія священниковъ къ службѣ Божіей. О подобныхъ случаяхъ, конечно, знали и знаютъ и члены комиссіи, но почему-то умолчали о нихъ и всю вину свалили на псаломщиковъ. Несправедливо!

Отыскавъ причину болѣзни, въ данномъ случаѣ причину упадка благолѣпія при богослуженіи, комиссія прописываетъ и лекарство, — отыскиваетъ средство къ поднятію упавшей благолѣпности: ищущихъ званія псаломщика допускать къ должности *обязательно* по удостовѣреніи въ ихъ способности читать возможно *громко, плавно* и отчетливо, а также *искусно* на клиросѣ; *неспособныхъ* такъ вести дѣло старыхъ псаломщиковъ побудить, а *способныхъ* (тоже побудить) добросовѣстно относиться къ своимъ обязанностямъ (см. цит. выше). Рѣшая такъ дѣло, комиссія въ сущности ничего не сдѣлала въ пользу улучшенія церковнаго благолѣпія. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти

пожеланія вѣчно были и будутъ въ области недостижимаго. Вѣдь какъ это, наприм., *плавно* читать? Можетъ ли хоть одинъ изъ членовъ комиссіи показать образецъ плавнаго чтенія? Да и въ отсутствіи ли при чтеніи плавности причина всѣхъ золь? А громкое чтеніе?—И оно не составитъ благолѣпія. Мы знаемъ вѣдь, какъ наши любители—пѣвцы поютъ громко, но много ли тутъ музыкальности? Такъ и въ чтеніи. Отчетливость, правда, нужна и легко достижима, но почему она не примѣняется въ чтеніи—объ этомъ уже сказано выше. Теперь искусное пѣніе.—Требовать отъ кандидата во псаломщики умѣнья „искусно пѣть на клиросѣ“, конечно, можно; но что дѣлать, если такихъ искусниковъ не окажется, а если и окажется, то мало, и въ результатѣ приходъ останется со-всѣмъ безъ псаломщика? Кромѣ того, и самое требованіе искусно пѣть отличается неопредѣленностію. Въ самомъ дѣлѣ, что это значить: „искусно пѣть“? Знаніе осмогласія не требуетъ особаго искусства, и врядъ ли найдется псаломщикъ, который не могъ бы пропѣть незамысловатое осмогласіе, а пѣніемъ „подай, Господи“, какъ ни искусничай, никакого въ восторгъ не приведешь. Такимъ образомъ вопроса о благолѣпнѣйшей службѣ церковной искуснымъ пѣніемъ псаломщика не рѣшишь. Какъ же быть? Какъ же устроить, чтобы наше православное богослуженіе, заключающее въ самомъ себѣ столько назидательной обрядности, дѣйствительно было благолѣпнымъ? Это зависитъ всецѣло отъ самого духовенства—какъ отъ священниковъ, такъ равно и отъ псаломщиковъ. Мнѣ думается, что не мѣшало бы собрать спеціальныя сѣзды по округамъ и совмѣстно съ низшими членами причта выработать планъ, какъ устранить изъ нашего богослуженія все то, что, соблазняя „малыхъ сихъ“, лишаетъ его благолѣпности. Пусть эти сѣзды представляютъ свои заключенія на епархіальный, а этотъ послѣдній на основаніи поступившихъ данныхъ сдѣлаетъ постановленіе, обязательное для всѣхъ.

Свящ. В. Ут—нъ.

Къ вопросу объ общежитіи при Симбирской духовной семинаріи.

(Изъ матеріаловъ къ предстоящему лѣтомъ 1908 года епархіальному съѣзду).

I.

Два раза Симбирскій епархіальный съѣздъ обсуждалъ вопросъ о томъ, быть или не быть семинарскому пансіону, и оба раза вынесъ различныя рѣшенія. Съѣздъ 1905 года постановилъ совершенно закрыть пансіонъ; съѣздъ 1907 года рѣшилъ сохранить его, опираясь, при этомъ своемъ рѣшеніи, на отзывы благочинническихъ округовъ.

Подготовительная комиссія, разбиравшая вопросъ объ общежитіи на послѣднемъ епархіальномъ съѣздѣ, въ своемъ докладѣ коснулась, отстаивая пансіонъ, большей части возраженій, дѣлавшихся противъ него. Она утверждала, что нѣтъ основаній видѣть въ пансіонѣ разсадникъ безрелигіозности, разсадникъ крайнихъ общественныхъ доктринъ; доказывала далѣе, что пансіонъ даетъ болѣе удобствъ для надзора за учащимися и выгоденъ въ экономическомъ отношеніи, давая возможность родителямъ содержать своихъ дѣтей дешевле.

Въ этомъ очеркѣ мы намѣрены подробнѣе освѣтить вопросъ, какъ съ педагогической, такъ и экономической стороны.

Нашъ семинарскій пансіонъ есть вспомогательное къ школѣ учрежденіе, созданное съ двоякою цѣлью: во-1-хъ, создать для учащихся подходящія условія для использованія внѣкласснаго времени въ цѣляхъ учебныхъ и воспитательныхъ; и во-2-хъ, путемъ единенія бороться съ все растущею дороговизною жизни и достигнуть наиболѣе выгоднаго экономически содержанія учащихся. Таковы побужденія епархіального духовенства. Въ первой своей части эти побужденія раздѣляются и педагогическимъ персоналомъ духовной семинаріи, который уже не одинъ разъ выступалъ въ защиту этого учрежденія. Теперь, разъ будетъ доказано, что пансіонъ достигаетъ по-

ставленныхъ ему цѣлей, то и вопросъ о существованіи его рѣшится очень просто, и не будетъ никакихъ колебаній.

Намъ кажется, что нашъ пансіонъ, въ настоящемъ его видѣ, поставленныхъ ему цѣлей не достигаетъ, а какъ учрежденіе учебно-воспитательное долженъ быть признанъ даже отчасти вреднымъ. — Представимъ доказательства этому нашему мнѣнію.

Время послѣ классныхъ занятій назначается, во-первыхъ, для приготовленія уроковъ и исполненія письменныхъ работъ, во-вторыхъ, — на отдыхъ. Этимъ чрезвычайно важнымъ учебнымъ цѣлямъ нашъ пансіонъ совершенно не удовлетворяетъ.

Едва ли нужно доказывать, что для успѣшнаго приготовленія уроковъ необходимо сосредоточеніе вниманія на извѣстномъ предметѣ, нужна своего рода собранность нашего внутренняго чловѣка. „Пансіонъ, говоритъ г. Стратоновъ въ недавно изданной своей книжкѣ „Настоящее состояніе средней школы“, не можетъ по своему устройству дать тѣхъ удобствъ, которыя необходимы для занятій. Въ этомъ отношеніи онъ уступаетъ какой угодно частной квартирѣ. Чтобы серьезно и плодотворно заняться умственной работой, нужна возможность сосредоточиться“ ... Наши общежитія, потому уже, что они обыкновенно переполнены, что мы стараемся въ погонѣ за рублемъ натискать туда людей, какъ сельдей въ бочку, очевидно, не могутъ дать этой возможности. Относительная тишина, необходимая для занятій, едва ли возможна въ общежитіяхъ. Особенно трудно отдаться работѣ, требующей продолжительнаго напряженія активнаго вниманія. Крайне неблагоприятны условія пансіона серьезному образовательному чтенію; серьезное продумываніе письменныхъ работъ у пансіонеровъ едва ли частое явленіе. И намъ лично приходилось слышать выраженіе недовольства преподавателей работами пансіонеровъ. Всѣмъ, конечно, приходилось объ этомъ читать, такъ какъ статьи по вопросамъ реформы воспитанія и обученія въ средней школѣ очень часто встрѣчаются и не только въ спеціально-педагогическихъ изданіяхъ.

Такъ обстоитъ дѣло съ пансіономъ, какъ учрежденіемъ, созданнымъ въ учебныхъ цѣляхъ. Воспитательныя условія пансіона во много разъ хуже. Еще къ постоянному шуму трудно, но возможно привыкнуть и выработать себѣ привычку игнорировать окружающее. „Почти всѣ психологи, — говоритъ знаменитый К. Д. Ушинскій *), — согласно утверждаютъ, что произвольное вниманіе наше... усиливается отъ упражненія“. Можно привыкнуть заниматься, читать, сочинять, спать во время сильнаго шума, какъ могъ спать Наполеонъ во время канонады. Но эта привычка, благотворная съ одной стороны, съ другой очень вредна, прививая разсѣянность къ человѣку: сколько мы знаемъ людей, которые, занявшись со вниманіемъ какимъ либо однимъ дѣломъ, способны не замѣчать ничего, происходящаго около нихъ.

Говоря объ этомъ вліяніи свойственныхъ пансіонамъ условій учебнаго труда, мы незамѣтно уже перешли въ область воспитательнаго вліянія конвиктовъ.

Воспитывающими факторами пансіонской жизни являются, во-первыхъ, вся сумма царящихъ въ пансіонахъ правилъ жизни и поведенія учениковъ, распредѣленіе времени на разнаго рода занятія, отдыхъ, обѣдъ и сонъ, во-вторыхъ — присутствіе и вліяніе надзирательскаго надзора и, въ-третьихъ, — товарищеское вліяніе.

Какъ извѣстно и очевидно каждому, внѣшній распорядокъ жизни общежитій взятъ съ казармы: та же одинаковая для всѣхъ регламентація времени, тѣ же звонки, тѣ же марши — на обѣдъ, ужинъ, молитву, въ спальни и т. д. „У обитателей общежитій, говоритъ въ своей статьѣ г. Ильинскій **), предъ глазами вѣчно неизмѣнная, несложная и непривѣтливая, сѣрая казенная обстановка, и весь кругъ переживаемыхъ ими впечатлѣній вѣчно одинъ и тотъ же: нынче, какъ вчера, а

*) „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія“, К. Ушинскаго, СПб. 1903 года Изд. сокращ. Сентъ-Илеромъ, стр. 71.

**) „Церковный Вѣстникъ“, стр. 1246, ст. В. Ильинскаго. СПб. 1907 года № 39.

завтра, какъ нынче. По звонку вставай, по звонку ѣшь, по звонку молись, по звонку учишь. И одинъ и тотъ же неизмѣнный кругъ занятій, вращающійся съ пунктуальной точностью“. И этотъ порядокъ равенъ для всѣхъ, для всѣхъ и обязательенъ. И способный, и малоспособный обязаны по три часа сидѣть надъ уроками; и расположенный, и совершенно иначе настроенный ученикъ въ одну минуту должны итти на молитву. — Такой знатокъ психологіи молитвы, какъ о. Іоаннъ Кронштадтскій, въ книгѣ „Моя жизнь во Христѣ“, совѣтуетъ утромъ, въ случаѣ окаменѣлости сердца, лучше сождать его смягченія для молитвенныхъ воздыханій, чѣмъ оскорблять Всевидящаго Сердцевѣдца лживой формальной молитвой. Наша школьная система не желаетъ знать и этой психологіи. Изъ каждаго ученика она хочетъ выточить совершенно одинаковую фигуру, по одному и тому же трафарету. Режимъ интернатовъ въ принципѣ отрицаетъ индивидуальность въ человѣкѣ, не признаетъ въ учащихся различія ни въ дарованіяхъ, ни въ наклонностяхъ, не признаетъ различія въ физическихъ силахъ, отрицаетъ привычки. Превосходно опредѣляетъ воспитательныя послѣдствія интернатовъ покойный знаменитый мыслитель, государственный дѣятель и педагогъ К. П. Побѣдоносцевъ въ изданной имъ книгѣ „Новая Школа“ *). „Общій интернатъ, говорить К. П., устраивается по казарменному типу: встаютъ по барабану или по колокольчику, идутъ ранжиромъ отъ одного упражненія къ другому. Рекреція происходитъ большею частію на внутреннемъ дворѣ, въ окруженномъ стѣнами, — молодые люди не столько играютъ, сколько прогуливаются группами. И время рекреаций короткое: полчаса по утру, часъ послѣ обѣда. На волю выпускаютъ рѣдко, — разъ

*) „Новая Школа“, изд. К. П. Побѣдоносцева. М. 99, стр. 8—9. Мы не безъ намѣренія цитируемъ именно эту книгу, этого писателя. Высокоавторитетныхъ рѣчей противъ интернатовъ, противъ попытокъ воспитывать человѣка вообще „на помочахъ“, но выраженію знаменитаго критика Н. А. Добролюбова, не мало и въ старой литературѣ, и въ книгахъ послѣднихъ лѣтъ. Я еще съ юншества помню статьи по этому вопросу и Добролюбова, и Шелгунова, и Толстого.... Но рѣчи этихъ писателей едва ли будутъ убѣдительны для тѣхъ читателей, которымъ мы назначаемъ свою работу.

въ мѣсяцъ на одинъ день. — Очевидно, такое воспитаніе подавляетъ въ молодомъ человѣкѣ привычку къ самостоятельности, развитіе характера. Оно способствуетъ уравнию характерныхъ особенностей и семейственныхъ, — оно стремится всѣмъ и каждому придать однообразную форму, изъ каждаго образоваль орудіе, готовое слѣдовать тому направленію, которое ему дано будетъ... Образовать въ этомъ смыслѣ значитъ — съ раннихъ лѣтъ, когда еще не сложились у нихъ идеи, внушить имъ правила и привычки исправнаго чиновника, т. е. — отсутствіе инициативы, привычку къ бессознательному повиновенію, единообразіе чувствъ и идей, — словомъ все то, что сглаживаетъ въ человѣкѣ его личность“...

Едва ли нужно что либо прибавлять къ этимъ словамъ. — Слова эти настолько жестоки, что я не могу еще не привести въ ихъ подтвержденіе мнѣнія такого знаменитаго и общепризнаннаго педагога-философа, какъ К. Д. Ушинскій. „Чтобы въ дитяти образовался характеръ, говоритъ знаменитый авторъ „Родного Слова“*), или, по крайней мѣрѣ, накопились для него обильные матеріалы, слѣдуетъ, чтобы дитя жило сердцемъ и *дѣйствовало волею*, а этому часто препятствуютъ старшіе своимъ вмѣшательствомъ въ воспитаніе дитяти: или запирая ребенка на цѣлый день въ школу, или мѣшая ему чувствовать и желать, словомъ — жить практически, тѣми же безпрестанными моральными сентенціями и всякаго рода стѣсненіями. Вотъ почему, между прочимъ, нашъ вѣкъ, вѣкъ *многоученья*, отличается обиліемъ ничтожныхъ характеровъ; и вотъ почему также самые безхарактерные люди выходятъ изъ тѣхъ семействъ, гдѣ родители и воспитатели, не понимая свойствъ души человѣческой, безпрестанно вмѣшваются въ жизнь ребенка и не даютъ ему свободно ни чувствовать, ни желать“.

Приложимъ эти наблюденія Ушинскаго къ нашей духовной средѣ. Намъ лично извѣстны очень многіе священники въ нашей епархіи, но среди нихъ мы почти не знаемъ людей

*) „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія“ сокр. изд., стр. 426.

съ сильнымъ характеромъ. Правда, среди старцевъ и доселѣ обращаютъ вниманіе нѣсколько людей, но ихъ воспитала уже не школа, а сама жизнь, отъ которой, во чтобы то ни стало, стремятся отгородиться въ нашей школѣ. Ни это отгораживаніе отъ жизни, а слѣдовательно и отъ опыта, по даннымъ коего формируется характеръ, ни эта спеціализація учащейся молодежи на образованіи ума не представляютъ правильныхъ педагогическихъ путей. „Лучшимъ условіемъ для успѣшной организаціи характера, говоритъ тотъ же Ушинскій *), является такая среда, за границами которой стояла бы крѣпкая неподатливая жизнь, безцеремонно отталкивающая дитя, когда оно хочеть переступить отмежеванный ему предѣлъ. Тогда характеръ дитяти, окрѣпнувъ и организовавшись внутри отведенной ему сферы, будетъ не безъ труда расширять ея предѣлы. Такая жизнь представитъ множество опытовъ удачи и неудачи, успѣха и неуспѣха, зависящихъ отъ самого ребенка, а это лучшія средства, чтобы сосредоточить чувственные массы представлений въ одинъ сильный характеръ. Въ этомъ отношеніи воспитаніе крестьянскихъ дѣтей идетъ гораздо нормальнѣе, чѣмъ воспитаніе дѣтей богатаго класса“. — Развитие ума еще не предполагаетъ развитія воли и характера. „Воспитаніе, почти исключительно заботящееся объ образованіи ума, дѣлаетъ большой промахъ, ибо чувствованія, а не мысли, составляютъ сосредоточіе психической жизни“ (**).

Въ особенности грустно вліяютъ условія жизни общезжитій на религіозную жизнь учащихся. „Религіозная настроенность, говоритъ г. Ильинскій въ цитированной мною и прежде работѣ ***) , это особенно нѣжный цвѣтокъ, раскрывающійся, благоухающій и зрѣющій только въ подходящей обстановкѣ, въ тиши и если не въ уединеніи, хотя и оно по временамъ безусловно необходимо, то по крайней мѣрѣ въ атмосферѣ спокойствія и деликатной предупредительности. Насколько же

*) Ibid., стр. 428.

**) Ушинскій, Антропология, стр. 430.

***) „Церк. Вѣстникъ“, 1907 г. № 39, ст. 1247.

общежитія не дають такихъ условій для развитія релігійнаго настроенія, это нѣтъ нужды и доказывать. Въ дѣлѣ релігійнаго воспитанія чрезвычайно важное значеніе имѣеть, въ частности, молитва и окружающая релігійная атмосфера. Тамъ въ общежитіяхъ такой атмосферы нѣтъ и не можетъ быть, общее моленіе превращено въ форму и даже (повинность*), а для молитвы частной не оказывается ни мѣста, ни соотвѣтствующихъ условій... Нельзя считать случайностью, что развитіе крайней безрелігійности среди питомцевъ духовной школы въ наше время совпадаетъ съ порою наиболѣе энергичнаго распространенія общежитій“.

Таково положеніе дѣла. И психологическія данныя, и наконецъ наблюденіе надъ жизнью общежитій говорятъ о томъ, что послѣднія не даютъ подходящихъ условій для формировація цѣлостнаго человѣка, для развитія характера, не даютъ примѣненія и упражненія формирующей волѣ, стираютъ врожденныя индивидуальныя качества юношей, стараются создать изъ нихъ совершенно однородный матеріалъ. И такъ готовятся люди къ пастырскому служенію, — служенію, въ коемъ неисчерпаемая личная инициатива, высокая упругость превосходно оборудованнаго характера, несокрушимая воля — представляютъ непремѣнныя условія успѣшной работы. При обсужденіи вопроса, рѣшеніе котораго представляется намъ столь яснымъ, однако часто приходится встрѣчаться съ возраженіемъ, что общежитія приучаютъ своихъ абитуриентовъ къ порядку въ своихъ занятіяхъ, настойчивое примѣненіе правилъ приучаетъ волю дѣтей къ дисциплинѣ. Обычно послѣ этого послѣдняго слова начинаютъ повторяться рѣчи о значеніи дисциплинированности въ пастырскомъ дѣлѣ, особенно теперь, когда сплоченіе силъ, служащихъ церкви, настоятельно постулируется условіями переживаемаго времени;

*) А какъ эта повинность отправляется, помнятъ сотни питомцевъ нашей семинаріи: семинарскій храмъ въ часы утреннихъ молитвъ становился мѣстомъ самаго дикаго, невѣроятно дикаго звѣва, и мнѣ самому теперь до боли стыдно за то, какъ мы бывало пѣвали молитву Просвѣтителямъ Каванскимъ...

начинають обычно трактовать объ упадкѣ дисциплины и среди духовенства и т. д. — Намъ кажется, что въ основѣ этихъ рѣчей скрывается недоразумѣніе. Несомнѣнно, чрезвычайно нужна дисциплинированность среди пастырскихъ силъ, начиная отъ высшихъ и кончая низшими — сельскими работниками; но эта дисциплина должна быть результатомъ ясно сознанаго пастырскаго долга, не хилости волевого аппарата, приученнаго слѣдовать указкѣ, но могучей воли, приученной воспитаніемъ къ настойчивому слѣдованію къ цѣли, не по приказу снаружѣ, не по давленію извнѣ, а въ силу свободного личнаго убѣжденія. Дисциплина, основывающаяся на приучкѣ дѣйствовать подъ давленіемъ внѣшнихъ правилъ, программъ, циркуляровъ и положеній, есть дисциплина часового механизма, работающаго дотолѣ, пока его тянетъ гиря. И мы видѣли недавно, года два тому назадъ, чего стоитъ такая дисциплина... Всѣмъ памятна та всеобщая сумятица, то повсемѣстное крушеніе авторитетовъ, происшедшее послѣ того, какъ власть утратила часть своего общественнаго признанія.

Аналогичное явленіе произошло и въ духовной средѣ и притомъ при дѣйствіи, и самомъ усиленномъ, воспитательной системы, будто бы приучающей къ порядку, насаждающей дисциплину. Въ самой первой основной послылкѣ, утверждающей, что общежитія приучаютъ къ порядку, кроется много лжи: приучаются не любить порядокъ, создаваемый постоянными правилами и надзоромъ, а ненавидѣть его всѣми силами души. И нельзя не видѣть этого факта, — онъ всегда предъ нами, въ самыхъ разнообразныхъ превращеніяхъ, то въ формѣ школьныхъ беспорядковъ, то ученическихъ бунтовъ изъ за питанія, гулянія, отпусковъ, то въ окрепчиваніи своего жилища именами колоніи, казармы и т. д., то, наконецъ, въ формѣ систематическаго бѣгства отъ того общественнаго служенія, къ которому готовила юношу вся педагогическая система....

Мы извиняемся за это, повидимому, отступленіе отъ нашей темы, — оно вызвано тѣмъ нашимъ убѣжденіемъ, что

нельзя разсматривать жизнь *пастырской школы и связанныхъ съ нею учреждений* въ связи съ самимъ *пастырскимъ дѣломъ*, какъ нельзя устраивать военной школы безъ руководства самого военного дѣла, въ боевой жизни.

Но вернемся опять ближе къ предмету нашей работы. Доселѣ мы говорили о вліяніи на дѣтей обстановки и порядковъ пансіонской жизни. Теперь остановимся на вліяніи надзирательскаго надзора и товарищеской среды.

Постараемся быть краткими. — При пансіонахъ есть надзиратели, — каково ихъ положеніе и вліяніе? И здѣсь отвѣтъ можетъ быть только грустный, „Надзиратель“, говоритъ К. П. Побѣдоносцевъ, живетъ и содержится въ школѣ, но его постоянное присутствіе имѣетъ главною цѣлью постоянный надзоръ, и потому не принадлежитъ онъ къ числу любимыхъ лицъ и внушаетъ обыкновенно скорѣе страхъ, чѣмъ доброе расположеніе. И нельзя его винить въ этомъ: таково его положеніе, оно не имъ устроено и ему первому тягостно. Дѣйствительно, для того, чтобы держать въ повиновеніи такое количество дѣтей, остающихся безъ призора и попеченія въ разобщеніи съ учителемъ, приходится дѣйствовать страхомъ наказаній. Это непривлекательное дѣло лежитъ на надзирателѣ. Удивительно ли, что этотъ несчастный молодой человекъ не можетъ имѣть на дѣтей никакого серьезнаго вліянія? Ему не за что въ нихъ ухватиться, потому что не онъ ихъ учитъ, и относится къ нимъ лишь какъ орудіе наказанія“ *).

Остается товарищеская среда, но этой среды юноша не лишится и безъ пансіона. Въ послѣднемъ же и среда плохо помогаетъ дѣлу. Та глухая борьба, которая, кажется, во всѣхъ современныхъ школахъ идетъ между начальствомъ и учащимися, въ пансіонахъ значительно обостряется. И это понятно. Грустно цѣлый день жить взаперти, цѣлый день видѣть надъ собой глазъ и глазъ. Начинается озлобленіе противъ надзора, и достаточно ничтожной несправедливости со стороны надзора,

*) К. П. Побѣдоносцевъ. Новая Школа, стр. 64—65.

чтобы назрѣла и разразилась цѣлая буря. Продолжу опять словами Побѣдоносцева. „Воспитаніе чрезъ среду здѣсь состоитъ въ изобрѣтеніи тысячи шуловокъ, съ помощью коихъ можно и обмануть привязчивый надзоръ, и заявить свою свободу посреди всяческаго стѣсненія. И, разумѣется, между учениками славится тотъ, кто всего молодцоватѣе въ этой глухой борьбѣ противъ начальства и всего искуснѣе можетъ укрыться отъ надзора и изобрѣтать продѣлки. А такъ какъ между начальствомъ и учениками игра неравная, то для ея уравновѣшенія роковая необходимость влечетъ учениковъ къ притворству и лжи. Вотъ и еще одна изъ причинъ, почему наша школа не образуетъ людей: человекъ, какъ слѣдуетъ, прежде всего *не долженъ лгать*. Ложь не только низкій порогъ, но и признакъ слабости и трусости. Педагогическая система, приводящая къ привычкѣ лгать и притворяться, — система явно и безапелляціонно негодная“ (*).
Таковы мысли извѣстныхъ умовъ... Нѣтъ, для того, чтобы воспитать человекъ, не казарма нужна. Старая школа, не обладавшая интернатами, давала больше цѣльныхъ людей, и это опять таки согласно отмѣчаютъ и Ушинскій, и Побѣдоносцевъ. Условія жизни въ старое время были куда потяжелѣе нашихъ, и они-то и вырабатывали людей, заставляя ученика идти дорогой Ломоносовыхъ...
Прототипъ общежитій — казарма быть можетъ и хороша для формировація толпы въ организованную военную часть. Здѣсь узы товарищества являются уже самоцѣлю, такъ какъ именно эти узы, именно это сознаніе великой важности товарищества создаютъ силу части въ военное время. Для пастырства нужны не солдаты, сильные опорой другъ на друга, а полководцы, въ себѣ самомъ находящіе мужество въ часы тяжелыхъ потрясеній и бурь, — полководцы, спокойно и увѣренно ведущіе свою часть къ славѣ и успѣху.

Священникъ Іоаннъ Анастасіевъ.

(Окончаніе будетъ).

*) Ibid., стр. 65.

Божіе вразумленіе.

Кончилась вечерня прощеного воскресенья; всё въ все прощено, и у всѣхъ испрошено предъ лицомъ всевидящаго Бога взаимное прощеніе... На душѣ легко и спокойно... Сердечная вечерняя бесѣда въ кругу своихъ ближайшихъ сослуживцевъ и родственниковъ, а затѣмъ мирный и безмятежный сонъ... Но что такое? — Какой-то тревожный стукъ въ окно и раздрающій душу крикъ: „карауль! карауль! вставайте, спайтесь, горите!“... Скоро дѣло выясняется: это кричитъ сосѣдъ, о. діаконъ, совершенно случайно замѣтившій, что дворъ его батюшки зажженъ и уже начинаетъ разгораться, а обитатели его все еще продолжаютъ спокойно почивать, видя радужныя сновидѣнія о мирѣ всего православнаго міра... „О, благочинный, горите! вставайте, бѣгите! Батюшка, а батюшка! карауль, карауль!“... продолжаетъ выкрикивать о. діаконъ, стуча въ окно; на помощь ему является и набатный звонъ церковнаго сторожа. Испуганный, наскоро надѣвъ на босыя ноги галоши, на одинъ рукавъ полукафтанье и по дорогѣ схвативъ попавшуюся подъ руку шапку, выбѣгаетъ батюшка и видитъ, что дворъ его уже объятъ яркимъ пламенемъ. Нужно спасать прежде живыя существа, и вотъ батюшка со своими семейными и прислугой спѣшитъ выгнать на улицу домашній скотъ. Но скоро и быстро разгорѣвшись, пожаръ потомъ какъ-то замедляетъ свое разрушительное дѣйствіе, не взирая даже на значительную помощь отъ попутнаго вѣтра. Огонь медлитъ и какъ бы чего-то выжидаетъ... А церковный колоколъ продолжаетъ своимъ тревожнымъ звономъ созывать православныхъ чадъ посмотрѣть на горе своего приходскаго батюшки... Вотъ уже собралась большая толпа полупьяныхъ зрителей, слышатся оханье и вздохи, а нѣкоторые даже высказываютъ соболѣзнованіе своему батюшкѣ, все еще не могущему понять, за какія собственно проступки и преступленія прихо-

жане мстять ему. Всѣ требованія и просьбы своихъ прихожанъ онъ старался предупредительно исполнять, вражды и ссоры ни съ кѣмъ и никогда не имѣлъ, даже никакого грубого слова за время своего служенія онъ не сказалъ не только старому, но и малому изъ своихъ прихожанъ. „За что же, за что? — какъ-то невольно спрашиваетъ самъ себя и окружающихъ несчастный пастырь; — „и когда? — въ ту самую священную ночь, когда и самый злѣйшій врагъ долженъ примириться со своимъ недругомъ“. Нѣкоторые изъ прихожанъ, вытащивши все изъ двора и амбара, предложили было батюшкѣ свои услуги спасать имущество и изъ дому. „Нѣтъ, отвѣтилъ батюшка: — не трогайте: пусть, если Богу угодно, все сгоритъ; мнѣ будетъ легче перенести это, чѣмъ вдругъ узпать, что не только меня подожегли, но и разворовали все вынесенное имущество. Дѣло Божіе и воля Божья, отъ Бога никуда и ничего не скроешь!“...

Странное дѣло: горитъ дворъ, горитъ амбаръ, а смежные съ нимъ ворота, калитка и самый домъ священника остаются въ цѣлости; даже снѣгъ на крышѣ и тотъ не растаялъ, а вѣтеръ, какъ бы нарочито, направляетъ дымъ и огонь на церковь, тѣмъ защищая самый домъ отъ жара. Но, очевидно, никому и въ голову не приходитъ мысль, что храмъ можетъ загорѣться; вѣдь это совсѣмъ не входило въ планы гг. поджигателей: имъ хотѣлось лишь сжечь попа, но никакъ не церковь.

Дѣйствительно, дворъ уже догораетъ, сарай упалъ, а ограда и ворота церковныя невредимы; очевидно, не чувствуется сила пламени и на крыльцѣ церковнаго притвора, обращенномъ къ двору священника: тамъ стоитъ кучка зрителей, и съ колокольни все еще продолжаетъ нестись набатный звонъ, созывающій прихожанъ и сосѣдей.

Вдругъ кто-то закричалъ: „братцы, вѣдь, церковь горить!“... И правда, почти на совершенно противоположной сторонѣ отъ мѣста пожара изъ-подъ карниза одного изъ оконъ

настоящаго храма показались зловѣщіе языки огненнаго пламени и съ неимовѣрной быстротой стали распространяться по тесовой церковной обшивкѣ. Толпа заволновалась, все бросились къ церкви спасать имущество и св. иконы, а пламя съ какимъ-то особымъ неистовствомъ и поспѣшностью ускоряло свое дѣло. Не прошло и часа времени, какъ весь храмъ былъ уничтоженъ до основанія; расплавились и церковные колокола; и только лишь ветхая покачнувшаяся сторожка, стоявшая вблизи храма, и церковная ограда остались въ полной сохранности: онѣ однѣ лишь теперь и напоминаютъ всеѣмъ проходящимъ, что здѣсь еще вчера стоялъ св. православный храмъ, гдѣ и возносились молитвы о времени мирномъ...

Полиція, острогъ, казаки не могли образумить Мѣдянскихъ хулигановъ; не тронули ихъ черстватаго сердца слезы другаго батюшки о. Михаила и его несчастныхъ малютокъ во время пожара на первый день Рождества Христова минувшаго года, когда они такимъ же образомъ зажгли дворъ и этого батюшки. Тогда сгорѣлъ дворъ, погибла скотина, сгорѣлъ и амбаръ съ хлѣбомъ, но самый домъ также остался не тронутымъ. Теперь же Господь Богъ съ особенной настойчивостью призываетъ ихъ къ раскаянію и исправленію.

Услышать-ли этотъ Божій призывъ мѣдянскіе хулиганы, или еще съ большимъ ожесточеніемъ начнутъ четвертый десятокъ своихъ злодѣйскихъ поджоговъ, — покажетъ будущее.

Іерей В. Реньевъ.

Кузоватовская второклассная школа.

(1897 г. 15 октября—1907 г. 15 октября).

15 октября 1907 года Кузоватовская второклассная школа вступила во второе десятилѣтіе своего существованія. Въ этотъ знаменательный для школы день былъ устроенъ школьный праздникъ. Зданіе школы было какъ совнѣ, такъ и внутри убрано зеленью; были приглашены на торжество учащіе сосѣднихъ сель

(нѣкоторые изъ нихъ бывшіе питомцы школы); и отслуженъ въ зданіи школы торжественный молебенъ соборомъ священниковъ, во главѣ съ настоятелемъ прихода и бывшимъ завѣдующимъ и законоучителемъ школы, священникомъ Ѳедоромъ Васильевичемъ Покровскимъ. Передъ началомъ молебна о Покровскомъ было произнесено слово о просвѣтительномъ значеніи мѣстной второклассной школы и о трудностяхъ учительскаго служенія, а послѣ молебна учителемъ школы Троицкимъ былъ прочитанъ слѣдующій отчетъ о состояніи школы за истекшее десятилѣтіе.

Весной 1896 года по предложенію Синодальнаго Училищнаго Совѣта Сенгилеевскимъ отдѣленіемъ было разслано всѣмъ благочиннымъ уѣзда приглашеніе явиться въ г. Сенгилей для указанія мѣстъ, гдѣ-бы удобнѣе всего могли быть открыты въ уѣздѣ двѣ второклассныя школы. Такое приглашеніе было получено и мѣстнымъ священ. благочиннымъ М. И. Адриановскимъ. О. Адриановскій, вслѣдствіе многочисленныхъ служебныхъ обязанностей и слабого здоровья, не могъ лично поѣхать на этотъ съѣздъ, а послалъ докладную записку, въ которой убѣдительно и настойчиво доказывалъ необходимость открытія школы въ селѣ Кузоватовѣ. Это онъ мотивировалъ приблизительно слѣдующими соображеніями: 1) Кузоватово — центръ уѣзда; 2) оно большое село инородческое и центръ инородческихъ и раскольническихъ селъ; 3) мѣсто подъ школу уступали крестьяне на площади рядомъ съ цѣрковью; 4) матеріаль для постройки и рабочія руки дешевы.

На съѣздѣ въ г. Сенгилей были намѣчены слѣдующіе пункты для открытія школъ: Смышляевка, Порѣцкое, Тереньга, Крюковка, Карлинское и Кузоватово. Симбирскій Епархіальный Училищный Совѣтъ, рассмотрѣвъ намѣченные пункты для открытія второклассныхъ школъ въ Сенгилеевскомъ уѣздѣ, постановилъ открыть двѣ школы — въ Карлинскомъ и Кузоватовѣ. Но только уже осенью слѣдующаго 1897 года мѣстнымъ свящ. о Адриановскимъ было получено предписаніе открыть этой же осенью школу пока временно въ наемныхъ квартирахъ и произвести первый наборъ учениковъ. Вотъ съ этого момента и начинается хлопотливая работа первыхъ дѣятелей школы. Нужно было подыскать подходящее мѣсто для школы, и не только подыскать, а и привести его въ болѣе приличный видъ. Затѣмъ нужно было другое зданіе подъ общежитіе, въ которомъ могли бы помѣститься будущіе питомцы новой школы. Организовать общежитіе было дѣломъ новымъ и, конечно, нелегкимъ: ни близкаго примѣра, ни опыта

не было, да и по части помѣщенія, каковы крестьянскіе дома, скудно и тѣсно. Вѣдь нужно было начинать съ самой ничтожной вещи—съ какой нибудь деревянной ложки и кончать такими школьными вещами, какъ учебныя парты и т. п. Ничего этого не было. Въ довершеніе всѣхъ трудностей завѣдующій школой о. Адріановскій, благодаря черезмѣрнымъ пастырскимъ обязанностямъ по приходу и незавидному здоровью, не могъ всецѣло отдаться школьному дѣлу.—Въ этотъ трудный моментъ энергичнымъ и дѣятельнымъ помощникомъ завѣдующему является сынъ его, только что кончившій курсъ семинаріи, Сергѣй Михайловичъ, который и понынѣ состоитъ учителемъ школы. Благодаря совмѣстному ихъ энергичному труду, зданіе подъ общежитіе съ квартирой черезъ сѣни для учителя было снято у мѣстнаго крестьянина на площади противъ церкви и приведено въ надлежащій видъ, а подъ классъ этимъ же крестьяниномъ было выстроено новое зданіе тутъ же на площади. Итакъ, труды первыхъ школьныхъ дѣятелей на первыхъ порахъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Зданіе подъ школу было готово, и 14 октября того же 1897 г. были произведены пріемныя испытанія учениковъ подъ предсѣдательствомъ завѣдующаго школой о. Адріановскаго, въ присутствіи священника села Коромысловки А. М. Адріановскаго, кончившаго курсъ семинаріи С. М. Адріановскаго и бывшаго діакона села Кузоватова (нынѣ свящ. села Лапшанки) о. Алексѣевскаго. Всѣхъ желавшихъ поступить въ школу явилось 20 человекъ, каковыя всѣ и были приняты въ 1-е отдѣленіе. На слѣдующій день, 15 октября, въ помѣщеніи для школы былъ отслуженъ молебень предъ началомъ ученія и открыты самыя занятія завѣдующимъ школой о. Адріановскимъ по программѣ двухъ-классной школы (программы второкласной школы еще не было выработано). Обязанности учителя временно взялъ на себя упомянутый выше Сергѣй Михайловичъ Адріановскій. На содержаніе въ общежитіи ученики первое время вносили натурой: каждый ученикъ привозилъ на мѣсяць 1½ пуда муки, ½ пуда пшена, 4 пуда картофелю и деньгами 1 руб. на другіе расходы: мясо, масло и т. п. Занятія велись Сергѣемъ Михайловичемъ до 6-го ноября, когда явился вновь назначенный въ школу учитель Леонидъ Васильевичъ Востоковъ, а Сергѣй Михайловичъ за болѣзнію завѣдующаго продолжалъ исполнять обязанности законоучителя, въ каковой должности потомъ 22 іюня и былъ утвержденъ Училищ-

нымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ. Этими лицами и велись учебныя занятія въ теченіе перваго учебнаго года въ наемныхъ помѣщеніяхъ. Но не успѣли еще закончить совѣмъ учебнаго года, какъ для учащихся представилось новое трудное дѣло—устройство спеціального школьнаго зданія, на что и было ассигновано Св. Синодомъ 13 тысячъ рублей. Медлить съ постройкой школы было нельзя, такъ какъ наемныя помѣщенія, какъ сказано выше, были тѣсны и неудобны, а осенью еще бы прибавилось учащихся, съ которыми и пришлось бы разбрасываться по квартирамъ. Скоро былъ навезенъ лѣсъ, а на 6-й недѣлѣ великаго поста былъ отслуженъ торжественный молебенъ съ водосвятиемъ на мѣстѣ постройки школы. Съ этого дня наблюдение за постройкой школы стало самымъ любимымъ развлеченіемъ дѣтей—школьниковъ и самой тяжелой обязанностью учащихся—строителей. Но главному руководителю этой постройки, завѣдующему священнику о. Адриановскому, не суждено было увидѣть зданіе въ законченномъ видѣ; онъ, къ прискорбію всѣхъ, 22 іюля послѣ непродолжительной болѣзни скончался. Начатое однако дѣло постройки школы не остановилось, а продолжалось при непосредственномъ участіи учащихся, и въ августѣ мѣсяцѣ школа была построена, а 9 сентября освящена. За отсутствіемъ новаго завѣдующаго освящаль школу протоіерей г. Сенгиля Х. Θ. Боголюбовъ въ сослуженіи съ мѣстнымъ благочиннымъ о. Жемчужниковымъ, священникомъ села Баевки А. О. Ахматовымъ и священникомъ села Коромысловки А. М. Адриановскимъ. Только уже въ концѣ сентября школа увидѣла новаго своего завѣдующаго и законоучителя—свящ. Θ. В. Покровскаго. Прежній законоучитель ж. С. М. Адриановскій, этой же осенью былъ назначенъ вторымъ учителемъ, такъ какъ съ осени въ школѣ было открыто 2 отдѣленія. Итакъ, только съ осени 1898 года занятія велись въ настоящемъ зданіи. Но школьное зданіе было готово только совнѣ, внутри же были голыя стѣны. Не мало трудовъ пришлось положить новому завѣдующему, чтобы привести зданіе въ надлежащій видъ. Все внутреннее благоустройство въ томъ видѣ, въ какомъ мы находимъ его теперь, было устроено при главномъ и непосредственномъ его участіи. Не оставлялъ онъ безъ вниманія и внѣшней стороны школы, которой старался придать болѣе живой видъ. Многія деревья, которыя мы видимъ теперь, разсажены или его собственными руками или при его непосредственномъ участіи.

На третьемъ году существованія школы, осенью 1899 года, для практическихъ занятій учениковъ учительскаго класса была открыта образцовая школа, учителемъ въ которую былъ назначенъ А. Н. Раждаевъ, переведенный изъ Батушевской церковно-приходской школы, Ардатовскаго уѣзда. Только теперь, когда были открыты всѣ три отдѣленія и образцовая школа, наша второклассная школа вступила въ періодъ вполнѣ законченнаго благоустройства, и трудовая жизнь ея потекла безъ какихъ-либо колебаній. Трудно описать характерно и наглядно духъ этой жизни и ея особенности. При непосредственномъ общеніи со школой находишь въ ней много интереснаго, поучительнаго и характернаго; но сказать что-либо о внутренней сторонѣ школьной жизни, о состояніи дѣла воспитательнаго и учебнаго, предоставляемъ постороннимъ и безпристрастнымъ свидѣтелямъ. Теперь же коснемся только нѣкоторыхъ выдающихся событій школы и тѣхъ перемѣнъ, какія произошли за истекшее десятилѣтіе во внѣшней жизни школы. Къ выдающимся событіямъ школы относятся школьные вечера съ чтеніемъ и пѣніемъ. Эти литературные вечера въ школѣ устраивались нерѣдко, а въ 1904 г., во время Русско-Японской войны, былъ устроенъ литературный вечеръ съ благотворительной цѣлью въ пользу солдатъ, несущихъ всѣ тяжести войны на далекой окраинѣ. Наше общество очень сочувственно отнеслось къ этому дѣлу, и, несмотря на маленькій кружокъ интеллигенціи нашего захолустья, сборъ превысилъ полсотни рублей, на которые и были куплены самые необходимые для солдата предметы и отосланы по назначенію. Нужно быть свидѣтелями—очевидцами, чтобы понять тѣ чувства благодарности, которыя были выражены устроителямъ возвратившимися на родину солдатами.

Съ осени 1899 года начинаются нѣкоторыя перемѣны въ составѣ учащихся школы. Такъ, законоучителемъ школы былъ назначенъ переведенный изъ с. Нагаткина на второй штатъ въ с. Кузоватово священникъ А. В. Векшинъ, а въ 1902 году 28 февраля онъ же и принялъ на себя завѣдываніе школой. Горячо и трогательно разстались съ своимъ завѣдующимъ учащіе и учащіеся. Въ короткое время о. Покровскій снискалъ спорящую любовь со стороны какъ учащихся, такъ и учащихся за свои отеческія и сердечныя отношенія къ нимъ.

1 апрѣля 1902 года былъ однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ дней для всѣхъ второклассныхъ школъ. Въ силу новаго Сино-

дальнаго положенія о второкласныхъ школахъ, послѣднимъ отведено было подобающее мѣсто. Была улучшена какъ матеріальная сторона школы, такъ и положеніе учащихся, которымъ были даны права гражданской службы. По этому положенію о второкласныхъ школахъ въ помощь прежнимъ двумъ учителямъ была открыта вакансія третьяго учителя. Осенью этого же года 3-мъ учителемъ въ Кузоватовскую школу былъ опредѣленъ только что кончившій курсъ семинаріи П. В. Архангельскій, который, впрочемъ, пробылъ только 1 мѣсяць и былъ переведенъ на должность 2-го учителя въ Карлинскую второкласную школу, а, за неимѣніемъ подходящаго кандидата, Кузоватовская второкласная школа осталась при прежнемъ составѣ учащихся. Только черезъ годъ, осенью 1903 года, третьимъ учителемъ въ школу былъ опредѣленъ кончившій курсъ семинаріи К. В. Смирновъ. Въ слѣдующемъ 1904 г. произошли опять большія перемѣны въ составѣ учащихся. Въ мартѣ мѣсяцѣ этого года завѣдующій школой свящ. А. В. Векшинъ былъ переведенъ на священническое мѣсто въ городъ Алатырь, а на его мѣсто завѣдующимъ и законоучителемъ былъ назначенъ свящ. села Трубетчины, Сенгилеевскаго уѣзда, В. И. Благовидовъ. Весной этого же года старшій учитель Л. В. Востокъ былъ переведенъ на такую же должность въ с. Сосновый-Солонецъ, Сызранскаго уѣзда, а на его мѣсто опредѣленъ старшій учитель Карлинской второкласной школы Ѳ. А. Троицкій. До осени 1907 года никакихъ особенныхъ перемѣнъ въ школьной жизни не было. Только съ осени 1905 г. произошла маленькая перемѣна въ общежительной жизни учениковъ. Какъ выше было упомянуто, ученики вносили за содержаніе натурой. Не всѣ одинаковый хлѣбъ привозили: одни — хорошій, а другіе — плохой, а все это мѣшалось вмѣстѣ. Это неудобство было признано какъ совѣтомъ школы, такъ и учащимися, а потому совѣтъ и постановилъ брать съ учениковъ за содержаніе деньгами въ количествѣ 20 рублей въ годъ. Еще маленькая ненормальность замѣчалась въ общежитіи. Одни изъ учениковъ, которые побогаче, пили чай (покупали сами на свои средства), а другіе, бѣдные, только смотрѣли на этихъ счастливецъ. Во избѣжаніе этой ненормальности былъ введенъ общій для всѣхъ чай, за что бралось по 5 руб. въ годъ. Итакъ, съ осени 1905 года стоимость содержанія каждаго ученика въ общежитіи обходилась въ 25 руб. въ годъ. Нынѣшней уже осенью 12 сентября третій учитель К. В. Смирновъ былъ переведенъ на должность старшаго

учителя въ с. Абрамовку, Симбирскаго уѣзда. На его мѣсто былъ опредѣленъ только что кончившій курсъ семинаріи въ этомъ же году В. И. Яковлевъ.

Всѣхъ обучавшихся въ школѣ за истекшее десятилѣтіе было 164 человекъ. По уѣздамъ учащіеся распредѣляются такъ: изъ Сенгилеевскаго уѣзда 93 чел.; Сызранскаго—58 чел.; Карсунскаго—4 чел.; Симбирскаго—4 человекъ. Кромѣ этихъ—2 ученика изъ Курмышскаго уѣзда; 2 ученика изъ Буинскаго у.; 1 ученикъ изъ Самарской губ. Выпусковъ за истекшее десятилѣтіе было 8, а выпущено всѣхъ со свидѣтельствами на званіе учителя школы грамоты 90 человекъ.

По выпускамъ окончившіе распредѣляются такъ:

1900 г.—1 выпускъ—15 чел.	1904 г.—5 выпускъ—14 чел.
1901 г.—2 выпускъ—9 чел.	1905 г.—6 выпускъ—18 чел.
1902 г.—3 выпускъ—6 чел.	1906 г.—7 выпускъ—11 чел.
1903 г.—4 выпускъ—7 чел.	1907 г.—8 выпускъ—10 чел.

Изъ окончившихъ курсъ состоятъ на должности учителей церковно-приходскихъ школъ 26 человекъ, земскихъ школъ 6 человекъ; псаломщиковъ 6 человекъ; на желѣзной дорогѣ табельщиками и конторщиками—9 человекъ; при родителяхъ—11 человекъ; служатъ на телеграфѣ желѣзной дороги—11 человекъ; 1 служитъ въ лѣсномъ вѣдомствѣ; учатся въ сельско-хозяйственной школѣ двое; въ лѣсной школѣ—одинъ; не имѣется свѣдѣній о 16 чел.; одинъ, будучи учителемъ, умеръ.

Учитель *О. Троицкій.*

НА СКЛОНѢ ЛѢТЪ.

Повѣсть.

(Продолженіе).

Время становилось тревожнымъ.

На Дальнемъ Востокѣ загрохотали пушки, и—какъ море великое—взбушевалась жизнь русская. И тамъ, и здѣсь зарокотали опасныя волны, поднимаясь все выше и выше. Въ движеніе пришло все и тамъ, гдѣ раньше былъ полный покой; шумъ рѣчей и всякаго рода споровъ поднялся и тамъ, гдѣ раньше царило глубокое молчаніе.

Къ крылечку о. Константина люди подходили съ новымъ вопросомъ: —

Ну, что, батюшка, какъ война? Не думаютъ ли смѣнить главнокомандующаго? —

О. Константинъ глубоко вздыхалъ.

Получаемая имъ газетка приносила вѣсти одна другой безутѣшнѣе, и о. Константину больно было сообщать ихъ собесѣдникамъ. Но за то какой же радостью наполнялось его сердце, когда онъ видѣлъ, какъ смиренно и покорно предъ Промысломъ Божиимъ выслушиваютъ собесѣдники всякія сообщенія о русскихъ неудачахъ и какъ живо вѣрятъ въ конечное торжество добра и правды.

— Вотъ что значитъ христіанство, — думалъ о. Константинъ; это величайшая философія. Во всякомъ горѣ, во всякой бѣдѣ христіанство дастъ утѣшеніе. Въ самомъ дѣлѣ, что такое слава, что такое могущество, если мы ихъ не заслуживаемъ? Все это только мѣдъ звенящая... Важна правда, важна внутренняя сила и чистота, а все остальное только прилагается.

Газетка же становилась все зловѣщей. Къ сообщеніямъ о несчастіяхъ войны присоединялись вѣсти о внутреннихъ нестройніяхъ. И число послѣднихъ все росло и росло. Писали, что въ однихъ мѣстахъ грабятъ чужое добро, въ другихъ нападаютъ на урядниковъ, мировыхъ судей, священниковъ, въ третьихъ — громятъ усадьбы, въ четвертыхъ — разрушаютъ рельсы и оставляютъ поѣзда и т. дал., и т. дал. А потомъ наряду съ массовыми забастовками и погромами начался въ собственномъ смыслѣ дневной разбой.

— Господи помилуй! — пугался о. Константинъ: — да что же это такое? Сумасшествіе какое-то! Какъ же мало, должно быть, мы дѣлали, какъ плохо воспитывали народъ. Вѣдь всѣ эти ужасы оттого только, что народъ недостаточно хорошо проникся духомъ христіанства, недостаточно религіозенъ. Надо бы усилить дѣло народнаго просвѣщенія. Надо бы всѣ силы отдать на это. Моментъ опасный. Бездѣятельность въ это время можетъ привести къ роковымъ результатамъ. Да, да. Надо работать. Старъ я, но что же дѣлать?

О. Константинъ выписалъ новый журналъ, вторую газету. Онъ началъ тщательно слѣдить за новыми теченіями въ области русской мысли, старался уловить пульсъ новой жизни. Трудно давалась о. Константину эта работа. Какъ и раньше при чтеніи

книгъ сына, онъ многое совершенно не понималъ по той туманности и неопредѣленности формъ, въ какіе облеклись новыя ученія, а также и по расплывчатости очертаній въ самомъ содержаніи ученій. Что же казалось о. Константину понятнымъ, это онъ при свѣтѣ своей критики находилъ слишкомъ неудовлетворительнымъ. Для о. Константина было ясно лишь то, что люди мнутъ, страстно протестуютъ противъ всего настоящаго и неудержимо стремятся къ чему-то новому. Каково это новое — трудно опредѣлить. Но новое непременно должно быть. Иначе — люди, повидимому, готовы отказаться отъ самой своей жизни. Можно было подумать, что люди пережили все, чѣмъ они жили раньше.

— А о христіанство? — думалъ о. Константинъ: — да развѣ оно изжито? Наоборотъ: не слишкомъ ли мало жили мы до сихъ поръ христіанствомъ? Начать жить христіанствомъ не значило ли бы это вложить въ жизнь то новое содержаніе, какого такъ хотятъ современные люди?

И о. Константинъ въ своихъ проповѣдяхъ выяснялъ вѣчное значеніе христіанства, говорилъ о нерушимости законовъ христіанской жизни, объ ихъ существенной близости духовной природѣ человѣка.

И слова о. Константина дышали огнемъ, въ нихъ выливались его глубокія убѣжденія, и къ словамъ этимъ внимательно прислушивались тѣ, кто посѣщаль церковь.

Но о. Константинъ опасался, что его прихожане скоро могутъ услышать и другія проповѣди, что у него скоро могутъ быть сторонніе соперники, которые, дѣйствуя въ тиши и въ нѣкоторой тайнѣ, а главное въ отсутствіи противниковъ, могутъ имѣть свой успѣхъ.

— Долго ли сбить народъ съ толку. Вѣдь, церковь всетаки не школа. Всему не научишь. Все не уяснишь. Да и не всякому уясненію здѣсь мѣсто. А потому — слова мои могутъ и западать въ душу, но душа-то эта можетъ оказаться почвой, на которой потомъ выростуть тернія.

И о. Константинъ присматривался къ своимъ прихожанамъ: не переживаютъ ли они какихъ особенныхъ потрясеній? Но долгое время о. Константинъ ничего не могъ замѣтить въ крестьянахъ своего прихода.

Попрежнему они были жизнерадостны и вмѣстѣ кротки, попрежнему довѣрчивы и откровенны и попрежнему собирались

къ о. Константину на бесѣды, дѣля здѣсь съ нимъ и горе, и радости. Правда, нѣкоторые изъ крестьянъ становились какъ будто задумчивѣе и молчаливѣе, но изъ этого о. Константинъ не дѣлалъ еще никакихъ пугающихъ выводовъ. Бывало и то, что иногда среди бесѣды глаза о. Константина встрѣчались съ глазами, смотрящими исподлобья, подозрительными и даже недружелюбными. Но и этому о. Константинъ не придавалъ сначала большого значенія.

— Тихо, тихо здѣсь,—думалъ онъ часто;—по Божьему, Думаю даже, что эта бѣда такъ и пройдетъ мимо насъ.

Однако, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше замѣчалъ о. Константинъ въ своихъ прихожанахъ и какой-то беспокойной серьезности, и подозрительности, и недовѣрчивости къ батюшкѣ.

Разъ, выходя изъ церкви, о. Константинъ встрѣтился съ молодымъ крестьяниномъ, недавнимъ своимъ ученикомъ по школѣ. Всегда до сихъ поръ привѣтливый и деликатный, онъ посмотрѣлъ на батюшку взоромъ злымъ и враждебнымъ. И при этомъ лицо у него было возбужденное и блѣдное.

— Что это съ тобой, Степанъ?—спросилъ о. Константинъ:—ты какъ будто не здоровъ?

— А тебѣ что за дѣло?—огрызнулся Степанъ:—ишь, забота какая напала.

О. Константинъ недоумѣвалъ.

— Должно быть начинается постороннее вліяніе,—подумалъ онъ:—Господи! Пронеси бѣду.

Между тѣмъ крестьяне все рѣже подходили къ батюшкѣному крылечку. Да и тогда, когда подходили, были какъ будто неискренни, тая въ себѣ что-то новое и недоброе.

— Ну, что? Какъ у васъ тутъ дѣла?—спрашивалъ батюшка:—что хорошаго? Вѣстей какихъ нѣтъ ли?

Крестьяне виновато улыбались, какъ-то таинственно переглядывались и односложно говорили:

— Да нѣтъ.

— Ничего не слышно.

— Все по старому.

И только уже когда стало слышно, что горятъ усадьбы по близости въ знакомыхъ селахъ и убиваютъ почталѣоновъ на ближайшихъ станціяхъ, нѣкоторые крестьяне не могли скрыть отъ батюшки.

— И наши-то мужики такое толкуютъ, такое толкуютъ, что страсть.

— Ну, что же?—говорилъ о. Константинъ: толковать мало ли что можно. Что изъ того, если кто передастъ посторонній слухъ, расскажетъ о томъ, что ему говорили со стороны. Другое дѣло, если съ этими толками соглашаются, если ихъ всей душой принимаютъ. Но, вѣдь, этого навѣрно нѣтъ? Мои пасомые люди серьезные, разсудительные и всякому толку сразу не повѣрятъ.

— И-и, батюшка!—отвѣчали о. Константину:—не только соглашаются, а—прямо сказать—только и ждутъ, какъ бы этакое дѣльце устроить.

— Не знаю... Даже не вѣрится какъ-то,—качалъ головою батюшка:—изъ молодыхъ развѣ кто?..

— Изъ молодыхъ-то изъ молодыхъ, да и не молодые-то присматриваются.

Послѣ такихъ разговоровъ о. Константинъ долго не могъ заснуть и иногда до самой зари сидѣлъ у окна и смотрѣлъ поверхъ деревьевъ въ полисадникъ въ черное небо, и сердце его кровью обливалось, когда вдругъ на черномъ небѣ появлялся огненный столбъ зарева.

Въ волненіи о. Константинъ вставалъ со стула и начиналъ нервно ходить по своему кабинету.

— Нѣтъ,—думалъ онъ:—это просто массовое, эпидемическое потемнѣніе. Просвѣщать и просвѣщать нужно. О, если бы Господь далъ силъ!.. И прежде всего нужно дѣйствовать на молодежь. Это она первая поддается внушеніямъ и искушеніямъ со стороны. Но какъ дѣйствовать на молодежь? Въ церкви? Но въ церкви въ послѣднее время молодыхъ какъ-то немного и бываетъ. Въ школѣ развѣ? Но, вѣдь, тамъ, собственно, дѣти.

Все же о. Константинъ усилилъ свою пастырскую дѣятельность въ школѣ.

Но и здѣсь уже явно чувствовались перемѣны, ставившія дѣятельности о. Константина значительныя преграды.

Дѣти, всегда внимательныя раньше, становились все непослушнѣе. О. Константину приходилось употреблять много усилий на водвореніе самой дисциплины въ классѣ. Если раньше для какого нибудь шалуна было достаточно одного внушительнаго взгляда, одного даже маленькаго, даже ласковаго упрека, то теперь оказывались бездѣйственными самыя серьезныя и стро-

гія увѣщанія. Ученики будто намѣренно устраивали въ классѣ всякія небывалыя раньше выходки: слишкомъ громко хлопали дверью, прятали отъ батюшки мѣлъ, шумно разговаривали во время его уроковъ.

Можно было подумать, что ученики знаютъ о батюшкѣ что-то такое, что лишаетъ его права на авторитетъ и уваженіе со стороны учениковъ, и что ученики молчатъ объ этомъ только до поры до времени.

И это время настало.

Какъ-то разъ одинъ изъ учениковъ въ классѣ не хотѣлъ ничего отвѣчать батюшкѣ. Несмотря на всѣ убѣжденія и даже просьбы сказать, почему онъ не хочетъ отвѣчать, ученикъ упорно молчалъ.

— Можетъ быть, ты недоволенъ чѣмъ-нибудь, — говорилъ батюшка: — разстроены? Болены? Ну что же? Садись. Я тебя послѣ спрошу.

— Не разстроены я... не болены, — скороговоркой отвѣчалъ ученикъ: — а не хочу.

— Но почему же?

Ученикъ густо покраснѣлъ. Въ глазахъ у него блеснула какой-то зеленый огонекъ, и онъ проговорилъ:

— Довольно ты насъ...

Голосъ его дрогнулъ, и онъ только тихимъ шопотомъ до-сказалъ:

— ...обманывалъ.

Классъ насторожился.

— Что, что такое я сдѣлалъ? — не дослышалъ батюшка.

Ученикъ молчалъ.

— Что онъ сказалъ? — спрашивалъ батюшка школьниковъ.

Отвѣта не было.

— Обманывалъ я васъ?

Ученики неловко мялись на своихъ мѣстахъ.

— Нѣтъ, — прокричалъ кто-то мягкимъ, участливымъ голосо-мъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — повторяли другіе такіе же голоса.

— Да, — послышался сзади искусственный басъ.

Оказывалось, въ классѣ была своя партійность.

— Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ сказалъ, что я ихъ обма-нывалъ: — не могъ успокоиться потомъ батюшка: — Боже мой, Боже мой! Какое обвиненіе! И откуда? — Со стороны почти ре-

бенка! О, какъ нужно быть внимательнымъ! Какъ зорко нужно смотрѣть вокругъ.

И на самомъ дѣлѣ гроза приближалась.

Теперь уже не было иныхъ разговоровъ, какъ только о томъ, удачно ли былъ обставленъ грабежъ на такой-то дорогѣ, вся ли усадьба сгорѣла въ Н—скомъ, много ли крестьянъ или стражниковъ убито при столкновении въ З—скѣ... И объ этихъ грабежахъ и убійствахъ говорили не какъ о результатахъ какой-то чудовищной спутанности понятій въ горячихъ головахъ и иногда полной потери нравственной чуткости, а какъ о дѣлахъ величайшей важности, какъ о чемъ-то славномъ и героическомъ. Въ силу этого убійства и грабежи распространялись все больше и больше. Грабили и убивали не только помѣщиковъ и станovýchъ, но и другъ друга, и не только богатыхъ, но и бѣдныхъ. Бѣдный и слабый даже менѣе другихъ былъ застрахованъ отъ насилія. У вдовы отнимали послѣднюю курицу. Въ погребкахъ пропадали яблоки, яйца и даже огурцы. У бобыля отнимали послѣдній кафтанъ.

Въ приходѣ о. Константина становилось все шумнѣе и тревожнѣе. Почти во всякое время на улицахъ можно было видѣть кучки мужиковъ, оживленно о чемъ-то говорившихъ, спорившихъ, ругавшихся громкими озлобленными ругательствами, часто пьяныхъ. Бывали случаи дракъ и увѣчий между закадычными друзьями.

— И чего они дѣлать, чего дѣлать?—удивлялся о. Константинъ:—и обыкновенно шелъ на шумъ.

Но крестьяне все неохотнѣе посвящали его въ свои дѣла и тайны. Видно было, что какой-то сторонній руководитель по своему отрекомендовалъ имъ „попа“ и въ пору всяческихъ слуховъ, обѣщаній, своеобразныхъ пророчествъ сумѣлъ внушить имъ, что въ этой рекомендаціи чистая правда.

И все грустнѣе и грустнѣе становился взоръ о. Константина, а голова какъ будто больше бѣлѣла.

И вопросъ „что же дѣлать?“—начиналъ неотвязно преслѣдовать о. Константина.

— Старъ я сталъ. Посовѣтоваться съ молодыми іереями нужно,—говорилъ иногда самъ себѣ о. Константинъ.

Но и молодые, и старые его сослуживцы въ большинствѣ случаевъ мучились этимъ же короткимъ вопросомъ:

— Что дѣлать?

Стоялъ яркій весенній день. Полевая работа еще не начинались. Было воскресенье. У о. Константина только что окончилась служба. Выпивъ стакана два чаю, о. Константинъ вышелъ на крылечко подышать свѣжимъ весеннимъ воздухомъ и полюбоваться видомъ синѣющего вдали и окутаннаго розовой дымкой лѣса. Сначала о. Константинъ не замѣчалъ на селѣ ничего особеннаго. Даже обычныхъ кучекъ было какъ-будто меньше. Но потомъ до его слуха сталъ доноситься глухой шумъ. Можно было догадаться, что гдѣ-то идетъ большая народная толпа. Иногда изъ общаго гула голосовъ выдѣлялись отдѣльные рѣзкіе выкрики.

— Это должно быть на нижнемъ порядкѣ,—подумалъ о. Константинъ: гдѣ нибудь въ проулкѣ. Не около ли сельскаго старосты? Да. Пожалуй, такъ и будетъ. Но что же это тамъ такое? Сходки въ эту пору не можетъ быть. Рано еще. Да и по какому бы случаю могла быть сходка?

А по улицамъ можно было видѣть быстро бѣгущія фигуры мужиковъ и бабъ, направлявшихъ именно къ нижнему порядку.

— Ужели и къ намъ поспѣли?—мелькнуло въ головѣ о. Константина предположеніе.

О. Константинъ приподнялся на своемъ крылечкѣ и, шляпой прикрывая глаза отъ солнца, всматривался по направленію къ нижнему порядку.

— Чего ты, батюшка, тутъ стоишь?—прокричалъ суетливо пробѣгавшій мимо мужикъ:—а ты туда идемъ...

— Что тамъ такое?—спросилъ батюшка.

— Да тамъ пріѣхали какіе то люди. Читаютъ объявленія... Манихвесты... Все объ зем-лѣ-ѣ,—уже на бѣгу протянулъ мужикъ.

— Въ самомъ дѣлѣ развѣ пойти?—подумалъ о. Константинъ.

И сейчасъ же рѣшилъ:

— Да. Непремѣнно нужно итти. Это—мой долгъ.

И наскоро одѣвшись, о. Константинъ пошелъ вслѣдъ за другими.

— Ладно ужъ а ты,—удерживала его матушка:—въ себѣ ли они теперь? Развѣ согласишься съ ними? Еще чего добраго...

— Тамъ увидимъ,—отвѣчалъ о. Константинъ, нервной, дрожащей рукой застегивая рясу;—во всякомъ случаѣ... простимся... Господь съ тобой...

О. Константинъ благословилъ матушку и, перекрестившись на церковь, старческой, ковыляющей походкой поспѣшили къ нижнему порядку.

Глазами, полными слезъ, матушка проводила его.

Н. Волжанинъ.

(Продолженіе будетъ).

Къ борьбѣ съ пьянствомъ.

Ни для кого не новость и не тайна, что духовенство, бывая по различнымъ случаямъ, торжественнымъ и печальнымъ, въ домахъ своихъ прихожанъ съ требоисправленіями, часто послѣ этого, а при свадьбахъ почти всегда приглашается домохозяиномъ побесѣдовать. Большая часть духовенства при такихъ случаяхъ благодаритъ хозяина и остается посидѣть у радушнаго человѣка. Въ это время на столѣ среди другихъ угощеній появляется и вино или пиво. По обычаю русскому хозяинъ съ первой рюмкой вина или стаканомъ пива подходитъ къ батюшкѣ испросить у него благословія. Батюшка благословляетъ, а вторую и самъ выпиваетъ по большей части потому, чтобы не обидѣть хозяина. Все это еще не бѣда, но горе въ томъ, что батюшка иногда (при свадьбахъ) невольно, такъ сказать, благословляетъ безшабашное пьянство на цѣлую недѣлю или двѣ, потому что крестьяне, видя, что первая рюмка благословлена ихъ пастыремъ, а вторая и самимъ принята, представляютъ себѣ, что выпить можно, а всѣмъ извѣстно, какъ выпиваетъ, особенно при свадьбахъ, нашъ русскій мужичекъ. Напиваются до безчувствія, доходятъ въ пьяномъ видѣ до ссоръ, дракъ, грѣховъ противъ седьмой заповѣди и другихъ грубыхъ проступковъ. Поэтому не лучше ли пастырямъ церкви совсѣмъ оставить обычай благословлять рюмки, а тѣмъ болѣе самимъ пить съ прихожанами при различныхъ случаяхъ въ ихъ домахъ, указывая при этомъ всякій разъ прихожанамъ на губительность винопитія, его раззорительность и прочія бѣдствія отъ вина? Лучше миролюбиво, отечески преподать каждый разъ нравоучительный урокъ о трезвенной жизни, указывая, что и при радости, и горѣ вино излишне! Какъ смотрятъ на этотъ обычай «побесѣдовать» другіе пастыри?

Села Петровки священникъ *С. Рождественскій.*

Содержаніе: 1) Такъ пазываемыя религія здраваго смысла.—И. Волж—на. 2) По одному поводу.—Свящ. В. Ут—на. 3) Къ вопросу объ общежитіи при Симбирской духовной семинаріи.—Свящ. І. Анастасіева. 4) Божіе вразумленіе.—Іерея В. Решева. 5) Кузоватовская второклассная школа. 6) На склонѣ дѣтъ. Повѣсть Н. Волжанина. 7) Къ борьбѣ съ пьянствомъ.—Села Петровки свящ. С. Рождественскаго. 8) Объявленія.

Печатать дозволяется. Симбирскъ. 15 марта 1908 года.

Цензоръ протоіерей Сергій Медвѣдковъ.

За Редактора А. Соловьевъ.

—(ОБЪЯВЛЕНІЯ.)—

ЛУЧШІЕ ВЪ РОССІИ

КОЛОКОЛА ЦЕРКОВНЫЕ

Заводовъ Приуралья Н. А. БАКУЛЕВА Н-цы

существующаго съ 1758 года

и завода Торговаго дома П. И. Гилева С-вья существ. болѣе 100 л
у представителя для всей Россіи

Ксенофонта СОКОЛОВА въ г. Челябинскѣ.

Принимаются разбитыя и неблагозвучныя колокола въ переливку и на обмѣнъ новыхъ. Ручательство за звуки и неразбиваемость колоколовъ.

Подборъ полныхъ церковныхъ звоновъ производится по камертону.

Разсрочка платежа. Доставка во все мѣста, а по желѣзн. дор. по удешевленному тарифу, т. е. по 1 коп. съ пуда за 100 верстъ. Доставка до г. Симбирска по 20 коп. съ пуда.

Имѣются при заводахъ и на складахъ всегда готовые колокола разнаго вѣса завода Бакулева и завода Торг. Дома Гилева С-вья.

Колокола въ 1000 пуд. и болѣе могутъ быть отлиты на мѣстахъ заказовъ.

Полуторавѣсковое существованіе завода Бакулева съ его огромной практикой позволило ему выработать отличнѣйшій сплавъ колокольной бронзы, форму и размѣры колоколовъ, наиболѣе благозвучныхъ, справедливо считающихся по силѣ и пріятности

звука лучшими по всей Россіи. Адресоваться съ запросами и заказами: г. Челябинскъ, представителю заводовъ Приуралья Е. А. Соколову.

Заводъ Багулева отливалъ между прочимъ колокола въ слѣдующія мѣста на Уралѣ: гор. Екатеринбургъ къ церкви Св. Іоанна Златоуста въ 1015 пуд., гор. Кунгуръ у двухъ церквей по 1000 пуд., заводъ Ниж. Тагилъ—къ церкви Входо-Іерусалимской въ 632 пуда, тамъ же къ Введенской въ 511 пуд., заводъ Ниж. Туринскій въ 312 пуд., заводъ Ниж. Сергинскій звонъ въ 314 пуд., село Арамилъ Екатеринбург. у. въ 330 пуд., село Бобровку Екатер. у. въ 330 пуд., село Черновское Оханск. у. въ 300 пуд., село Острожку Охан. у. въ 300 пуд., гор. Соликамскъ въ 332 пуд., гор. Сольвычегодскъ въ 242 пуда, гор. Пермь Богородскую церковь въ 500 пуд., гор. Барнаулъ—къ Богородской церкви звонъ въ 825 пуд., городъ Казань: Семіозерскую пустынь—500 пуд., Раифекую пустынь въ 441 пуд., единовѣрческую церковь въ 500 пуд., къ церкви Сошествія Св. Духа звонъ въ 600 пуд., къ Покровской церкви въ 246 пуд., къ Богоявленской въ 200 пуд., къ Владимірской въ 400 пуд. и мн. др.

„Самые ближайшіе заводы для заказчиковъ Урала и губерній Приуралья“.

Православный Собесѣдникъ, изданіе казанской академіи,

въ 1908 году

будеть выходить попрежнему ежемѣсячно, книжками отъ 12 до 14 печатныхъ листовъ въ каждой, и будетъ издаваться по прежней программѣ, въ строго-православномъ духѣ и ученomъ направленіи.

Всѣ подписчики на журналъ получаютъ бесплатно первую половину IV тома Благовѣстника Блаженнаго Теофилakta. Толкованіе на Евангеліе Іоанна.

Журналъ „Православный Собесѣдникъ“ рекомендованъ Святѣйшимъ Синодомъ для выписыванія въ церковныя бібліотеки, „какъ изданіе полезное для пастырскаго служенія духовенства“ (Синод. опред. 8 сент. 1874 г. № 2792).

Цѣна за полное годовое изданіе, со всеѣми приложеніями къ нему, съ пересылкою во всеѣ мѣста имперіи—СЕМЬ РУБЛЕИ.

Въ редакціи Православнаго Собесѣдника продаются:

Изданія святоотеческихъ твореній въ переводѣ на русскій языкъ.

Политическая, Экономическая, Общественная и Литературная

ГАЗЕТА СЛОВО

выходить въ С.-Петербургѣ съ 19 ноября 1906 года
въ изданіи и подъ редакціей

М. М. ФЕДОРОВА.

При участіи: К. К. Арсеньева, Гр. К. Градовскаго, Максима Ковалевскаго, В. Д. Кузьмина-Караваева, Н. Н. Львова, В. А. Махлакова, Григ. Сп. Петрова, П. Б. Струве, П. А. Тверскаго, князя Евг. Н. Трубецкаго и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на 1 годъ 12 руб., 6 м.—6 руб., 3 м.—3 р., 2 м.—2 р. 15 к., 1 м.—1 р. 10 к. За границу: на годъ 20 р., 6 м.—11 р., 3 м.—6 р., 1 м.—2 р.

Для учащихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, волостныхъ и сельскихъ обществахъ, сельскаго духовенства, учителей и учительницъ и фельдшеровъ на годъ 8 р., на 6 м.—4 р., 3 м.—2 р. 25 к., 2 мѣс.—1 р. 50 к., 1 мѣс.—80 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ Главной Конторѣ СПб. Невскій,
домъ 92, бв. 4.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА

Н. А. Делъцинскаго:

Обезпеченность урожая.

Теорія и практика грядковой культуры.

Описаніе жизни хлѣбнаго растенія (пшеница, рожь, ячмень, овесъ), его развитіе при обычно практикуемыхъ способахъ посѣва (разбросномъ или рядовомъ) и примѣненіи окучиванія или

пересадки, съ приложеніемъ роскошно изданнаго альбома фотографій съ природы и многихъ рисунковъ въ текстѣ. Альбомъ заключаетъ въ себѣ двѣнадцать таблицъ, изданныхъ двойко: 1) въ натуральныхъ краскахъ и 2) въ одну краску.

Цѣны книжки: 1) съ альбомомъ въ краскахъ 2 р., 2) съ альбомомъ въ одну краску 75 коп.

Требованія просятъ адресовать: С.-Петербургъ, Главный Почтамтъ, ящикъ № 384, Н. А. Демчинскому.

Въ магазинѣ

СУКОННЫХЪ, ШЕРСТЯНЫХЪ, ШЕЛКОВЫХЪ,
ПАРЧЕВЫХЪ, ПОЛОТНЯНЫХЪ и проч. МАНУ-
ФАКТУРНЫХЪ ТОВАРОВЪ

НАСЛЕДНИЦЫ

Петра
Андреевича

ПАСТУХОВА

въ Симбирскѣ, Гостинномъ дворѣ. Телефонъ № 53.

Фирма существуетъ съ 1865 года.

Получены: репсъ для духовенства, англійское трико, парижскія и вѣнскія бальныя платья.

Шелк. филе Filet Charmeuse Круж. платья Robes Crêpe. Тонк. бархатъ Velours Rêve de chine brodè. Вышитыя кофточки весенія и лѣтнія.

Имѣются форменныя матеріи для всѣхъ вѣдомствъ и учащихся.

Цѣны на всѣ товары безъ исключенія внѣ конкуренціи.

